
МИГРУД

ПОЛ КОЛЛИЕР
КАК МИГРАЦИЯ
ИЗМЕНЯЕТ
НАШ МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Пол Коллиер

**Исход. Как миграция
изменяет наш мир**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2013

УДК 331.556.4

ББК 65.248.7

Коллиер П.

Исход. Как миграция изменяет наш мир / П. Коллиер —
«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2013

ISBN 978-5-93255-452-4

Это один из самых насущных и спорных вопросов нашего времени, вызывающий жаркие споры и глубоко пропитанный идеологией. Кому должно быть позволено иммигрировать, а кому – нет? Каковы доводы за и против ограничения числа иммигрантов? В «Исходе» выдающийся экономист Пол Коллиер ясно и сжато описывает последствия стимулирования или сдерживания миграции. Опираясь на оригинальное исследование и многочисленные обзоры конкретных случаев, он рассматривает эту проблему с трех точек зрения: самих мигрантов, людей, которых они оставили, и обществ, в которые они иммигрируют. Как показывает Коллиер, иммигранты из беднейших стран мира обычно оказываются самыми образованными и амбициозными. И хотя эти люди нередко добиваются экономического успеха, покидая свои родные страны, они также лишают эти страны профессионалов, в которых они остро нуждаются. В отсутствие контроля иммиграция может только ускориться: беднейшие страны столкнутся с настоящим массовым исходом. Иммиграция – это простое экономическое уравнение, но она имеет сложные последствия. «Исход» показывает, насколько важными будут иммиграция и ее последствия для государственной политики в ближайшие годы и десятилетия.

УДК 331.556.4

ББК 65.248.7

ISBN 978-5-93255-452-4

© Коллиер П., 2013
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2013

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Пролог	8
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	20
Четыре столпа процветания	20
Миграция и разрыв в доходах	25
Почему равновесие не всегда достижимо	27
Знакомство с рабочей моделью	29
Факты и их следствия	33
Часть II	36
Глава 3	36
Взаимное внимание	38
Взаимное внимание: доверие и сотрудничество	39
Культуры мигрантов	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пол Коллиер

Исход: как миграция изменяет наш мир

Посвящается Полин, моей безродной космополитке

Copyright © 2013, Paul Collier

All rights reserved

© Издательство Института Гайдара, 2016

* * *

Предисловие к русскому изданию

За три года, прошедшие с написания «Исхода», исход и в самом деле случился. Приток людей, пытающихся попасть в Европу, привлек внимание общественности к теме миграции, а европейская политика показала свою путаность и неадекватность. В моем анализе того, какими могут быть ошибки миграционной политики, я размышлял о губительной фазе, которую я назвал «политикой паники». К сожалению, мы сейчас переживаем именно эту фазу.

Исход практически случайно был вызван односторонним решением канцлера Меркель разрешить сирийским беженцам, сумевшим добраться до Германии, остаться в ней. До этого согласованная европейская политика заключалась в том, что за нелегальных иммигрантов отвечала страна, в которую они сначала попали, – как правило, Греция или Италия. В ответ на это решение многие сирийские беженцы покинули прилегающие страны, в которых они нашли убежище, и стали платить контрабандистам за то, чтобы те помогли им пересечь Средиземное море и добраться до Европы. Тысячи людей утонули, но еще больше смогли добраться до берегов Европы и начать непростой путь к немецкой границе. Воспользовавшись возможностью вновь открытых границ, многие молодые люди из бедных стран присоединились к походу на Германию.

Совпав с этим притоком мигрантов в Европу, террористические акты в Париже, совершенные мигрантами в первом и втором поколении, продемонстрировали реальность культурных различий. Россия уже столкнулась с этой реальностью. Не все такие различия следует уважать, а к некоторым нельзя быть терпимыми. Европе предстоит проделать большую работу по культурной интеграции мигрантов, которая только осложняется беспрецедентным масштабом миграции.

«Исход» может послужить основой для понимания этих проблем и выработки действенных политических ответов. В этой книге объясняется, почему происходит ускорение миграции и почему открытие европейских границ неизбежно должно было вызвать исход, который и произошел. В ней показывается взаимодействие между темпом иммиграции и интеграцией иммигрантов в общество.

«Исход» сейчас переводят чуть ли не на все европейские языки. Я надеюсь, что этот перевод на русский язык поможет российскому обществу прийти к чему-то лучшему, чем «политика паники».

Пол Коллиер
Оксфорд, декабрь 2015 года

Пролог

ОН СМОТРИТ на меня сейчас, когда я пишу эти строки. Его звали Карл Хелленшмидт, и к моменту, когда был сделан снимок, он уже не был безденежным юным иммигрантом: у него имелись костюм, жена-англичанка и шесть маленьких детей. Он уверенно смотрит в объектив, не зная, что его семья вот-вот падет жертвой антииммигрантского расизма Первой мировой войны. Британии предстоит защищать цивилизацию от варваров-гуннов, а он – один из них. Цивилизация, приняв обличье нищebroда Джона Буля, включит Карла Хелленшмидта в свой сфабрикованный список вражеских агентов. Под покровом ночи цивилизованное стадо нападет на его лавку. Представитель цивилизации попытается задушить его жену. Сам он будет интернирован как враждебный иностранец; его жену добьет неизлечимая депрессия. Двенадцатилетний Карл Хелленшмидт-младший будет вынужден бросить школу, чтобы управлять лавкой. А затем, чуть больше двадцати лет спустя, новая война: Карл Хелленшмидт-младший переедет и сменит имя. Он станет Чарльзом Коллиером.

Многие из нас – потомки иммигрантов. Природный патриотизм сплошь и рядом обращивается звериной жестокостью, погубившей мою семью. Однако такая реакция на иммиграцию не была повсеместной. В нынешнем году я случайно познакомился с человеком, чей отец принимал участие в том антигерманском погроме. Память о несправедливости, от которой пострадали ни в чем не повинные иммигранты, передавалась в его семье из поколения в поколение так же, как и в моей.

Мой дед переселился из нищей немецкой деревни Эрнсбах в самый процветающий на тот момент европейский город – Брэдфорд. Этот переезд – не только из одной страны в другую, но и из села в город – типичен для современной миграции из бедных стран в богатые. Однако юношеский дух авантюризма покинул деда, едва тот прибыл в Брэдфорд: он тут же направился в квартал, уже настолько переполненный немецкими иммигрантами, что его прозвали Маленькой Германией. Такое же отсутствие избыточного авантюризма характерно и для современных мигрантов. Сто лет спустя Брэдфорд перестал быть самым процветающим городом Европы: по воле судьбы сейчас в нем намного меньше процветания, чем в Эрнсбахе. Но он остается городом, куда прибывают иммигранты и где сохраняются трения. Единственный депутат британского парламента от партии «Уважение» – по сути, партии исламских экстремистов – был выбран иммигрантами в Брэдфорде. Сегодня среди иммигрантов действительно встречаются вражеские агенты: четверо из них, взорвав на себе бомбы, убили в Лондоне 57 человек. Иммигранты не только страдают от звериной жестокости, но и сами бывают на нее способны.

Настоящая книга в какой-то мере продолжает мои исследования беднейших обществ – «нижнего миллиарда». Стремление людей к тому, чтобы перебраться из этих стран на богатый Запад, включает в себе как профессиональный, так и личный аспект. Ответить на вопрос, идет ли исход иммигрантов на пользу или во вред тем, кто остается на родине, – задача сложная, но важная. Пусть речь идет о беднейших обществах в мире, однако иммиграционная политика западных стран оказывает на них не только неумышленное, но и мало кем осознаваемое воздействие. Мы как минимум должны представлять себе, как именно на этих обществах отражаются наши бездумные поступки. Кроме того, я вижу, как мои друзья разрываются перед своим долгом остаться дома и долгом использовать выпавшие им возможности.

Однако в то же время в моей книге критикуется преобладающее среди либеральных мыслителей – к которым принадлежу и я сам – мнение о том, что современные западные общества должны стремиться к постнациональному будущему. С учетом моих семейных обстоятельств следовало бы ожидать, что и я стану энтузиастом этой современной ортодоксии. При переходе границы мы предъявляем три разных паспорта: я – англичанин, Полин – голландка, выросшая в Италии, а Дэниэл, родившийся в США, с гордостью достает свой американский паспорт.

Мои племянники – египтяне, их мать – ирландка. Эту книгу, как и предыдущие, я писал во Франции. Если в мире и существуют постнациональные семьи, то моя, несомненно, является одной из них.

Но что, если все будут такими? Допустим, международная миграция станет настолько обыденным явлением, что уничтожит смысл национальной идентичности, и общества действительно станут постнациональными. Насколько это важно? Думаю, что это очень важно. Образ жизни таких семей, как моя, опирается (и в потенциале паразитирует) на тех, кто сохраняет свои корни и тем самым поддерживает существование жизнеспособных обществ, из числа которых мы можем выбирать. В тех странах, которым посвящены мои исследования – мультикультурных африканских обществах, – со всей очевидностью проявляются неблагоприятные последствия слабо выраженной национальной идентичности. Такие отдельные великие вожди, как Джулиус Ньерере, первый президент Танзании, стремились к тому, чтобы их народы приобрели единую идентичность. Но разве национальная идентичность не вредна? Не приведет ли она нас снова к «антигуннским» погромам? Или того хуже: канцлер Ангела Меркель, выдающийся европейский лидер, высказывала опасения по поводу того, что возрождение национализма угрожает не только погромами, но и войной. Я осознаю, что защита ценности национальной идентичности должна сопровождаться убедительным опровержением этих страхов.

В еще большей степени, чем при работе над предыдущими книгами, опорой для меня служила международная армия исследователей. Некоторые из них – мои коллеги и партнеры в научных занятиях; других я даже никогда не встречал, но смог почерпнуть много ценного из их публикаций. Современная научная деятельность осуществляется усилиями многочисленных специалистов. Даже в рамках такой узкой сферы, как экономика миграции, исследования носят крайне специализированный характер. Для настоящей книги мне требовались ответы на три группы вопросов: Чем определяются решения мигрантов? Как миграция влияет на тех, кто остается на родине? Как она влияет на коренное население в странах, принимающих мигрантов? Существуют специалисты по каждому из этих вопросов. Однако чем дальше, тем отчетливее я понимал, что миграция – в первую очередь явление не экономическое, а социальное, и потому для специалистов-исследователей она превращается в ящик Пандоры. Преодоление разногласий между ними стало вопросом этики: какими нравственными критериями следует оценивать различные последствия миграции? В распоряжении экономистов имеется удобный этический приборчик под названием «утилитаризм». Он очень полезен при решении типичных задач, а потому стал стандартом. Однако применительно к такой проблеме, как этика миграции, он оказывается прискорбно неадекватным.

Вышедшая из-под моего пера книга представляет собой попытку обобщить результаты многочисленных специализированных исследований в сфере общественных наук и моральной философии. В рамках экономики я в первую очередь руководствовался работами таких авторов, как Джордж Акерлоф с его новаторскими идеями об идентичности и Фредерик Докье, тщательно изучивший миграционные процессы, а также дискуссией с Тони Венэйблсом, в ходе которой мы наряду с экономической географией обсуждали и ту модель, которая стала аналитической рабочей лошадкой для данной книги. В сфере социальной психологии я опирался на дискуссии с Ником Роулингсом и на работы Стивена Пинкера, Джонатана Хайдта, Дэниэла Канемана и Пола Зака. В сфере философии я многое почерпнул из дискуссий с Саймоном Сондерсом и Крисом Хукуэем, а также из работ Майкла Сэндела.

В данной книге я пытаюсь ответить на вопрос о том, какую миграционную политику можно назвать удачной. Даже сама постановка такого вопроса требует определенного мужества: трудно найти столь же опасное минное поле, как миграция. Тем не менее несмотря на то, что эта тема регулярно попадает в список вопросов, наиболее приоритетных для избирателей, посвященная ей литература за редкими исключениями либо носит узкотехнический характер, либо предвзято защищает то или иное убеждение. Я попытался написать честную книгу, кото-

рая была бы доступна для всех: поэтому она вышла короткой и неформальной с точки зрения стиля. Порой я прибегаю к спекулятивной и неортодоксальной аргументации. Во всех подобных случаях это специально оговаривается. Я поступал так в надежде на то, что такая провокация станет для специалистов стимулом к работе, необходимой, чтобы определить, насколько обоснованными являются эти спекуляции. Прежде всего я надеюсь на то, что представленные в моей книге факты и аргументы выведут широкую дискуссию о миграционной политике за пределы театрально поляризованных и резких суждений. Проблема миграции слишком важна для того, чтобы оставлять ее в таком состоянии.

Часть I

Проблема миграции

Глава 1

Табуированная тема

Миграция бедных людей в богатые страны представляет собой феномен, перегруженный опасными ассоциациями. Сохранение массовой бедности в странах «нижнего миллиарда» – это вызов XXI века. Многие молодые люди горят желанием покинуть свои родные страны, зная о более богатой жизни в других местах. И некоторым из них это удается с помощью различных легальных и нелегальных средств. Каждый конкретный исход – это триумф человеческого духа, храбрости и изобретательности, преодолевающих бюрократические барьеры, возведенные трусливыми богачами. С этой эмоциональной точки зрения любая миграционная политика, кроме политики открытых дверей, является подлостью. Однако ту же самую миграцию можно подать и как проявление эгоизма: игнорируя ответственность перед другими, находящимися в еще более отчаянных обстоятельствах, трудящиеся бросают тех, кто от них зависит, а предприимчивые предоставляют менее энергичных своей участи. С этой точки зрения при выборе миграционной политики следует учитывать влияние миграции на тех, кто остается дома, не принимаемое во внимание самими мигрантами. Более того, миграцию можно понимать и как акт империализма наоборот – как месть со стороны бывших колоний. Мигранты создают в принимающих их странах свои колонии, отнимающие средства существования у местной бедноты, конкурирующие с ней или подрывающие ее ценности. С этой точки зрения миграционная политика должна защищать тех, кто живет там, где жил. Пусть миграция неизбежно сопряжена с эмоциями, но эмоциональная реакция на предполагаемые последствия может направить политику в какую угодно сторону.

Вопрос миграции был политизирован еще до того, как подвергся анализу. Переселение людей из бедных стран в богатые – простой экономический процесс, однако он приводит к очень непростым результатам. Политика в сфере миграции должна это учитывать. В настоящее время как страны – источники миграции, так и страны, принимающие мигрантов, проводят самую разную миграционную политику. Власти некоторых стран – источников миграции активно содействуют эмиграции и осуществляют официальные программы по сохранению связей со своими диаспорами, в то время как власти других стран ограничивают выезд за рубеж и относятся к своим диаспорам как к врагам. Между странами, принимающими мигрантов, существуют громадные различия в плане общих темпов разрешенной иммиграции – от Японии, которая стала одним из самых богатых обществ в мире, оставаясь совершенно закрытой для иммигрантов, до эмирата Дубай, также ставшего одним из самых богатых обществ на Земле, но с помощью иммиграции, которая шла такими быстрыми темпами, что в настоящее время коренные жители эмирата составляют лишь 5 % его населения. Страны различаются в плане отношения к составу мигрантов: Австралия и Канада предъявляют значительно более высокие требования к их образовательному уровню, чем США, которые, в свою очередь, более требовательны, чем Европа. Страны различаются в плане прав, которыми наделяются мигранты, прибыв на место, – от получения ими полного юридического равенства с коренным населением, включая право вызывать к себе родственников, до статуса контрактных работников, подлежащих репатриации и не имеющих гражданских прав. Страны различаются в плане требований, предъявляемых мигрантам: в одних странах им предписывается проживать в конкретных местах и учить местный язык, в других странах они вправе селиться там, где гово-

рят на их родном языке. Страны по-разному относятся к вопросу об ассимиляции и сохранении культурных различий. Мне не известны другие сферы публичной политики, в которых бы наблюдались такие же яркие различия. Отражает ли это политическое разнообразие продуманную реакцию на разные обстоятельства? Едва ли. Скорее я подозреваю, что причудливые повороты миграционной политики являются следствием сильной эмоциональной окраски данного вопроса и его слабой изученности, в сочетании друг с другом создающих весьма опасную смесь.

Борьба за проведение той или иной миграционной политики ведется с использованием конкурирующих ценностей, а не конкурирующих фактов. Ценности могут влиять на итоги анализа как в хорошем, так и в плохом смысле. В первом случае имеется в виду то, что пока мы не определимся со своими ценностями, у нас не будет возможности делать нормативные оценки – связанные как с миграцией, так и с любыми другими вопросами. Однако этика способна влиять на результаты анализа и в плохом смысле. В своем новом поучительном исследовании специалист по моральной психологии Джонатан Хайдт демонстрирует, что, несмотря на различия между нравственными ценностями, в целом они распадаются на две группы¹. Он убедительно показывает, что в зависимости от принадлежности к той или иной группе людям свойственно подчинять свою аргументацию нравственным суждениям по конкретным вопросам, а не наоборот. Предполагается, что логика служит для оправдания и объяснения суждений. Однако в реальности мы хватаемся за логические доводы и используем их для обоснования суждений, уже вынесенных на основе наших нравственных предпочтений. Нет таких значимых вопросов, применительно к которым факты подтверждали бы исключительно ту или иную точку зрения; несомненно, это относится и к миграции. То, какие доводы и факты мы готовы признать, определяется нашими этическими воззрениями. Мы доверчиво относимся к самым сомнительным заявлениям, если они совпадают с нашими ценностями, в то же время с презрением и яростью отвергая те факты, которые им противоречат. Этические предпочтения в отношении миграции поляризованы, и каждый лагерь готов принять только те аргументы и факты, которые поддерживают его предубеждения. Хайдт показывает, что такие грубые перекосы наблюдаются в отношении многих вопросов, однако в случае миграции эти тенденции осложняются еще сильнее. В либеральных кругах, способных вести наиболее взвешенную дискуссию по большинству политических вопросов, на тему миграции наложено табу. Единственная допустимая точка зрения сводится к выражению сожаления о существовании массовой антипатии к миграции. В самое последнее время экономисты начали лучше разбираться в структуре табу. Их назначение состоит в защите чувства идентичности путем сокрытия от людей тех фактов, которые могли бы представлять для нее угрозу². Табу спасают нас от необходимости затыкать уши, накладывая ограничения на содержание разговоров.

В то время как дискуссии в отношении фактов в принципе могут завершиться тем, что одна из сторон будет вынуждена признать свою неправоту, разногласия в отношении ценностей бывают неразрешимыми. Смирившись с этим обстоятельством, мы сможем по крайней мере уважать чужие ценности. Я – не вегетарианец, но не считаю вегетарианцев идиотами и не пытаюсь насильно скармливать фуа-гра своим гостям-вегетарианцам. Моя более амбициозная цель состоит в том, чтобы побудить людей к пересмотру выводов, которые они делают на основании своих ценностей. Как объяснил Дэниэл Канеман в своей книге «Думай быстро, думай медленно», в большинстве случаев мы стараемся избегать сложных размышлений, верно учитывая факты. Мы предпочитаем полагаться на моментально вынесенные суждения, зачастую основанные на наших ценностях. В большинстве случаев такие суждения представляют собой поразительно хорошее приближение к истине, но мы склонны чрезмерно доверять им.

¹ Haidt (2012).

² Benabou and Tirole (2011).

Задача данной книги – в том, чтобы заставить читателя отказаться от моментальных суждений на основе ценностей.

Подобно всем прочим, я начал изучение миграции, имея априорные суждения, сделанные на основе ценностей. Но в процессе работы над данной книгой я пытался забыть о них. Судя по дискуссиям, в которых я участвовал, миграция – это такая тема, которая заставляет почти каждого отстаивать свою точку зрения. Люди склонны подкреплять свои взгляды поверхностным анализом. Но я в соответствии с исследованиями Джонатана Хайдта подозреваю, что эти взгляды по большей части основываются на априорных моральных предпочтениях, а не на убедительных доказательствах. Анализ, опирающийся на факты, – сильная сторона экономической науки. Подобно многим политическим вопросам, миграция имеет экономические причины и экономические последствия, и потому экономика может сказать решающее слово при оценке политики. Наш инструментарий позволяет нам давать на вопросы о причинах и последствиях более продуманные формальные ответы, чем те, которые нам подсказываются одним лишь здравым смыслом. Однако некоторые итоги миграции, в наибольшей степени затрагивающие простых людей, носят социальный характер. Их тоже можно учесть в экономическом анализе, и я попытаюсь это сделать. Впрочем, экономисты более традиционного толка склонны не придавать им значения.

Политические элиты, от которых в первую очередь и зависит выбор политического направления, находятся на распутье: в одну сторону их тянут избиратели со своими опасениями, в основе которых лежат ценностные суждения, в другую – экономисты, выдвигающие односторонние модели. В результате мы получаем шатания. Миграционная политика не только различается от одной страны к другой; помимо этого, она колеблется между политикой открытых дверей, за которую выступают экономисты, и политикой закрытых дверей, предпочтительной для электората. Например, в Великобритании двери для мигрантов открылись в 1950-е годы, частично закрылись в 1968 году, снова распахнулись в 1997 году, а сейчас опять закрываются. Колебаниям подвержена и позиция политических партий: из этих четырех поворотов за два поворота в ту и в другую сторону отвечали лейбористы и за два – консерваторы. Зачастую политики, будучи резкими на словах, на деле ведут себя осторожно; обратное случается редко. Более того, порой их как будто бы даже смущают предпочтения, выказываемые их согражданами. Швейцария отличается от многих других стран тем, что простые люди имеют здесь право требовать от властей референдумов. Одним из вопросов, по которым проводились эти референдумы, неизбежно оказалась миграция. Средством для выражения массовой озабоченности стал референдум о правилах строительства мечетей, в ходе которого выяснилось, что значительное большинство граждан страны выступает против строительства мечети. Швейцарское правительство было так шокировано результатами референдума, что немедленно попыталось объявить их не имеющими силы.

Дело осложняется тем, что нравственная позиция по отношению к миграции переплетается с позициями по отношению к бедности, национализму и расизму. Современные представления о правах мигрантов диктуются чувством вины за различные несправедливости, допущенные в прошлом. Рациональное обсуждение миграционной политики будет возможно лишь после того, как мы научимся отделять эти соображения друг от друга.

На нас возложено очевидное моральное обязательство помогать очень бедным людям, живущим в других странах, и мы можем оказать им эту помощь, позволив некоторым из них переселиться в богатые страны. Тем не менее обязательство помогать бедным совсем не обязательно влечет за собой общее обязательство допускать свободное перемещение людей из одной страны в другую. Более того, те, кто считает, что бедным людям следует дать право переселения в богатые страны, скорее всего, первыми выступят против права богатых людей переселиться в бедные страны, поскольку в таком праве им послышатся неприятные отголоски колониализма. Утверждая, что бедные люди в силу своего положения имеют право на миграцию,

мы рискуем спутать два вопроса, которые разумнее рассматривать по отдельности: обязанности богатых по оказанию помощи бедным и право свободного передвижения между странами. Мы вовсе не обязаны наделять людей этим правом в рамках выполнения своего долга перед бедными. Существует много способов помочь бедным: даже если данное общество решило не открывать свои двери мигрантам из бедных стран, оно может проявлять больше щедрости по отношению к бедным обществам в других политических сферах. Например, правительство Норвегии ввело довольно жесткие ограничения на иммиграцию, но при этом осуществляет достаточно щедрые программы помощи третьему миру.

В то время как моральное обязательство бороться с глобальной бедностью порой выливается в идею о праве на миграцию, более серьезным последствием является отвращение к национализму. Хотя национализм не обязательно сопряжен с ограничениями на иммиграцию, несомненно и то, что при отсутствии националистических настроений не было бы и основы для таких ограничений. Если люди, живущие на данной территории, отождествляют себя друг с другом не сильнее, чем с иностранцами, то было бы странно, если бы они совместно согласились ввести ограничения на прибытие иностранцев: ведь для них не существовало бы «своих» и «чужих». Таким образом, при отсутствии национализма было бы сложно ограничивать иммиграцию исходя из этических соображений.

Не следует удивляться тому, что отвращение к национализму наиболее распространено в Европе: национализм неоднократно приводил здесь к войне. Создание Европейского союза представляло собой благородную попытку отбросить это наследие. Естественным следствием отвращения к национализму служит отвращение к границам: знаковым достижением Европейского союза является свободное передвижение европейцев в его рамках. Для некоторых европейцев национальная идентичность осталась в прошлом: один из моих молодых родственников называет себя «лондонцем», не признавая иной географической идентичности. Если от национальной идентичности желательно отказаться, то у нас, судя по всему, не остается серьезных этических оснований для того, чтобы ограничивать приток мигрантов: почему бы не позволить всем жить там, где они хотят?

Отношение к национальной идентичности сильнее всего различается от страны к стране. Во Франции, США, Китае и странах Скандинавии сохраняется сильное и политически нейтральное чувство национальной идентичности, в то время как в Германии и Великобритании такое чувство эксплуатировалось ультраправыми политиками и вследствие этого на него было наложено табу. Во многих обществах, где никогда не существовало сильного чувства национальной идентичности, его отсутствие обычно вызывает сожаления и озабоченность. Недавно Майкл Игнатъев поднял в Канаде бурю, признав провал давних попыток связать франкофонных и англофонных канадцев транслингвистическим чувством единой идентичности³. В Африке слабость национальной идентичности по отношению к племенной идентичности повсеместно рассматривается как проклятие, борьба с которым входит в число задач, стоящих перед ответственными лидерами. В Бельгии, которой в настоящее время принадлежит мировой рекорд по продолжительности существования без правительства – потому что фламандцы и валлоны никак не могли договориться друг с другом, – никто никогда даже не пытался насаждать единую идентичность. В число моих друзей входит один из бельгийских послов, и однажды за обедом был затронут вопрос о его собственной идентичности. Он со смехом утверждал, что совсем не чувствует себя бельгийцем – но вовсе не потому, что ощущает принадлежность к фламандцам или к валлонам. Скорее, он считал себя гражданином мира. После настойчивых расспросов о том, где именно он в наибольшей степени чувствует себя как дома, он выбрал деревню во Франции. Мне трудно представить себе французского посла, который бы добровольно высказал аналогичные настроения. И Канада, и Бельгия сумели остаться

³ Wente (2012).

богатыми странами, несмотря на слабое чувство национальной идентичности, однако выбранное ими решение сводится к полной пространственной сегрегации различных языковых групп в сочетании с радикальной децентрализацией политической власти и ее делегированием этим субнациональным территориям. С точки зрения практического предоставления общественных услуг Канада и Бельгия являются четырьмя государствами со скрепляющей их идентичностью, а не двумя государствами без такой идентичности. В Великобритании вопрос о национальной идентичности является весьма запутанным вследствие многонационального состава страны, объединенной сравнительно недавно: за исключением некоторых иммигрантов, здесь никто не считает себя в первую очередь британцем. В Шотландии национальная идентичность открыто пропагандируется как составная часть общепризнанной культуры, в то время как английский национализм держится в тени: английские флаги официально вывешиваются гораздо реже, чем шотландские.

Национализм тоже бывает полезен. Нельзя забывать о его потенциале к злоупотреблениям, однако оказывается, что чувство общей идентичности усиливает способность к сотрудничеству. Людям требуется возможность к сотрудничеству на различных уровнях – как ниже уровня нации, так и выше его. Общее чувство национальной идентичности – не единственный способ наладить сотрудничество, однако нации по-прежнему выказывают повышенную склонность к нему. Об этом можно судить с точки зрения налогов и публичных расходов: несмотря на то что обе эти функции осуществляются на многих уровнях управления, наиболее важным из них остается национальный. Соответственно, если единое чувство национальной идентичности повышает способность людей сотрудничать на этом уровне, то оно играет действительно важную роль.

Кроме того, общее чувство идентичности повышает предрасположенность людей к готовности перераспределять средства между богатыми и бедными и делиться природными богатствами. Поэтому отвращение к национальной идентичности может оказаться весьма затратным, так как оно снижает способность к сотрудничеству и усиливает неравенство в обществе. Но несмотря на эти соображения, порой от национальной идентичности бывает необходимо отказаться. Если национализм неизбежно ведет к агрессии, то издержки отказа от него, безусловно, являются приемлемыми. С того момента, как европейский национализм вступил в полосу упадка, Европа наслаждается продолжительным и беспрецедентным периодом мира. Эта связь побуждает таких политиков, как канцлер Ангела Меркель, пропагандировать символы европейского единства – в первую очередь евро – в качестве гарантии против возобновления войн. Однако, делая вывод о том, что упадок национализма повлек за собой сокращение насилия, мы путаем причины и следствия: это отвращение к насилию вызвало упадок национализма. Еще более важно то, что отвращение к насилию радикально снизило риск насилия. Отношение к насилию претерпело такие глубокие изменения, что в настоящее время европейская война совершенно немыслима.

Я склонен считать, что нам уже не обязательно отказываться от национальной идентичности с тем, чтобы оградиться от ужасов национализма. Если общая национальная идентичность полезна, то она может спокойно сосуществовать с нацией, соблюдающей мир. Собственно, мы видим это на примере скандинавских стран. Каждое из этих обществ не стесняется своего патриотизма, доходящего до соперничества с соседями. Этот регион известен своими войнами: и Швеция, и Дания в течение долгого времени были воинственными обществами за счет Финляндии и Норвегии соответственно. Однако нынешний период продолжительного мира – факт несомненный. И этот мир держится отнюдь не на формальных институтах европейского сотрудничества. Более того, эти формальные институты непреднамеренно разделяют, а не объединяют скандинавские страны. Норвегия не входит в Европейское сообщество – в отличие от трех других стран региона. Из числа этих трех стран только Финляндия состоит в зоне евро. Таким образом, европейские институты, призванные насаждать единство, привели к расколу

четырёх скандинавских стран на три отдельных блока. Скандинавские государства находятся в числе стран с самым высоким уровнем жизни в мире, отличаясь не только высокими частными доходами, но и социальным равенством, а также хорошо налаженными общественными услугами. Несомненно, свою роль при этом сыграли патриотизм и чувство единой идентичности, пусть их вклад и невозможно измерить количественно.

В то время как и ответственность перед бедными, и боязнь национализма, вероятно, еще сильнее запутали вопрос о том, имеют ли общества право на ограничение иммиграции, на данный момент самой мощной силой, вдохновлявшей выступления за признание свободы передвижения между странами в качестве естественного права, служила оппозиция расизму. С учетом истории расизма и в Европе, и в Америке столь страстное противодействие расизму и неувидительно, и вполне оправданно. Большинство выходцев из бедных стран принадлежат к иной расе, нежели коренное население богатых стран, принимающих мигрантов, и потому противодействие иммиграции грозит скатиться к расизму. В Великобритании одно широко известное выступление 1960-х годов против иммиграции определенно перешло эту грань: нежелательность иммиграции из стран Африки и Южной Азии обосновывалась ужасами неизбежного межэтнического насилия. Эта безрассудная речь давно умершего мелкого политика Эноха Пауэлла имела своим следствием то, что британская дискуссия о миграционной политике была прервана на сорок лет с лишним: сопротивление миграции оказалось столь неразрывно связано с расизмом, что возможность выражать такую позицию сохранилась разве что в маргинальном дискурсе. Откровенно нелепое предсказание Пауэлла о «реках крови» не только сделало дискуссию невозможной, но и превратилось в главное пугало для либералов: предполагалось, что потенциал межрасового насилия между иммигрантами и коренным населением несет в себе огромную скрытую угрозу. Отныне все, что теоретически могло разбудить этого спящего дракона, считалось недопустимым.

Это табу стало разрушаться лишь в 2010 году в результате массовой иммиграции из Польши. Британская иммиграционная политика по отношению к полякам носила ярко выраженный либеральный характер. В момент вступления Польши в Европейское сообщество переходные соглашения давали его членам право ограничивать польскую иммиграцию до тех пор, пока польская экономика не придет в соответствие с европейскими нормами. Все крупные страны сообщества, за исключением Великобритании, прилежно ввели такие ограничения. На решение британского правительства отказаться от подобных мер, возможно, повлиял сделанный в 2003 году прогноз Британской гражданской службы, в котором утверждалось, что восточноевропейская иммиграция в Великобританию будет носить незначительный характер: не более 13 тыс. человек в год. Это предсказание оказалось в корне неверным. Реальная иммиграция в Великобританию из Восточной Европы в течение следующих пяти лет составила около миллиона человек⁴. Подобная крупномасштабная иммиграция, от души приветствовавшаяся такими семьями, как моя, которые считали наплыв квалифицированной и трудолюбивой рабочей силы весьма полезным, в то же время вызвала широкое возмущение – нередко со стороны местных трудящихся, ощущавших угрозу своему положению. Притом что и одобрение иммиграции, и оппозиция ей основывались на откровенно эгоистической мотивации, ни в том ни в другом невозможно было усмотреть никаких признаков расизма вследствие принадлежности поляков к белой расе и христианской вере. Решающим и в придачу комическим моментом стал скандал на выборах 2010 года, когда премьер-министру Гордону Брауну забыли отключить микрофон после инсценированного разговора с простой женщиной из толпы, выбранной его штабом. К несчастью, женщина начала сетовать на последнюю волну иммиграции. После этого все услышали, как Браун распекает своих помощников за то, что те выбрали эту «упертую дуру». Такая демонстрация того, насколько премьер-министр далек от проблемы, общепри-

⁴ Dustmann et al. (2003).

знанно являющейся законным источником озабоченности, внесла свой вклад в оглушительное поражение Брауна. Новое руководство Лейбористской партии принесло извинения, заявив, что прежняя политика открытых дверей была ошибочной. Кажется, в Великобритании наконец-то снова стало можно говорить об иммиграции, не рискуя прослыть расистом.

А может быть, и нет. Поскольку расовая принадлежность коррелирует с прочими отличительными чертами – такими, как уровень благосостояния, религия и культура, – не исключено, что любые ограничения на миграцию, введенные на основе этих критериев, все равно будут восприниматься как троянский конь расизма. В таком случае открытое обсуждение вопроса о миграции по-прежнему невозможно. Я решил написать эту книгу лишь после того, как сделал вывод о том, что мы уже в состоянии провести различие между такими концепциями, как раса, бедность и культура. Расизм – это убеждение в существовании генетических различий между расами, хотя это мнение не подтверждается никакими фактами. Бедность обусловлена низким уровнем доходов, а не генетикой: сохранение массовой бедности при наличии технологий, обеспечивающих простым людям процветание, является скандальной чертой и крупной проблемой нашего века. Культура не наследуется генетически; она представляет собой изменчивое сочетание норм и привычек, влекущих за собой важные материальные последствия. Отказ учитывать расово обоснованные различия в поведении – это проявление человеческого достоинства. Отказ учитывать культурно обусловленные различия в поведении был бы слепым отрицанием очевидных фактов.

Полагаясь на законность этих различий, в то же время я в полной мере отдаю себе отчет в том, что мои суждения могут оказаться ошибочными. Этот момент важен, потому что, как мы вскоре увидим, решения, принимаемые в сфере публичной политики, в значительной степени зависят от имущественных и культурных различий. Если считать, что все эти соображения служат не более чем прикрытием для расизма, то лучше вообще отказаться от такой дискуссии, по крайней мере в Великобритании: возможно, мы все еще не вышли из длинной тени Эноха Пауэлла. Таким образом, мое рабочее допущение сводится к тому, что право жить где бы то ни было не является логическим следствием противодействия расизму. Не исключено, что у людей действительно есть такое право, и я еще вернусь к этому вопросу, но его невозможно обосновать одной лишь ссылкой на законную обеспокоенность бедностью, национализмом и расизмом.

Возьмем три группы людей: самих мигрантов, тех, кого они оставляют в своей родной стране, и коренное население принимающей их страны. Нам нужны теории и факты, которые бы позволили разобраться с тем, какая судьба ждет каждую из этих групп. Вопрос о первой группе – о мигрантах – мы временно отложим, потому что он наиболее прост. Перед мигрантами встают издержки преодоления весьма серьезных барьеров к передвижению, но потом они пожинают экономические блага, намного превышающие эти издержки. Мигрантам достается львиная доля экономических выгод, обеспечиваемых миграцией. Из некоторых новых и весьма интригующих фактов следует, что эти серьезные экономические выгоды частично, а может быть, и существенно нивелируются психологическими потерями. Впрочем, несмотря на поразительность этих фактов, в нашем распоряжении имеется слишком мало надежных исследований для того, чтобы судить об общей значимости самих этих фактов и их последствий.

Вопрос о второй группе – о тех людях, которые остаются жить в бедных странах, являющихся источником миграции, – в первую очередь и вдохновил меня на написание этой книги. Речь идет о беднейших обществах в мире, за последние полвека сильно отставших от процветающего большинства. Выкачивает ли эмиграция из этих обществ те возможности, которых им и без того отчаянно не хватает, или же она служит для них спасательным кругом и подталкивает их к изменениям? Если в качестве точки отсчета при изучении воздействия миграции на тех, кто остался дома, выбрать полностью закрытую дверь, то окажется, что миграция существенно повышает их благосостояние. То же самое можно сказать и о других типах экономического

взаимодействия между беднейшими обществами и остальным миром: торговать лучше, чем не торговать, а перемещение капитала лучше полной неподвижности финансов. Однако изучать беднейшие общества, используя автаркию в качестве отправной точки, – занятие неинтересное и бессмысленное: на этой основе невозможно выстроить никакой серьезный политический анализ. Уместной отправной точкой, как и в случае с торговлей и потоками капитала, является статус-кво по отношению не к автаркии, а к более энергичной либо к более вялой эмиграции. Ниже будет показано, что при отсутствии сдерживающих мер эмиграция из беднейших стран ускоряется и им грозит массовый исход. Однако миграционную политику определяют не бедные страны, а богатые. Задавая темп прибытия иммигрантов, власти богатых стран в то же время непреднамеренно устанавливают темп эмиграции из беднейших обществ. Даже если наличие миграции положительно сказывается на этих обществах, являются ли ее нынешние темпы идеальными? Не пойдет ли этим обществам на пользу, если миграция несколько ускорится или несколько замедлится? Подобная постановка вопроса до недавнего времени делала ответ на него невозможным. Тем не менее из новых и чрезвычайно тщательных исследований вытекает, что для многих обществ из «нижнего миллиарда» нынешние темпы иммиграции, вероятно, являются чрезмерными. Десятилетием назад аналогичная работа заложила основу для пересмотра политики в сфере перемещений капитала. Политические изменения всегда сильно отстают от исследований, но в ноябре 2012 года Международный валютный фонд объявил, что он перестает рассматривать отсутствие препятствий для потоков капитала в качестве политики, при любых условиях оптимальной для бедных стран. Подобные нюансированные оценки неизменно приводят в ярость фундаменталистов, выводящих свои политические предпочтения из моральных приоритетов.

Последний вопрос – о коренном населении в обществах, принимающих мигрантов, – наверняка непосредственно затрагивает большинство читателей данной книги, и потому мы начнем именно с него. Каким образом размах и темп иммиграции влияют на социальное взаимодействие – как между коренными жителями и иммигрантами, так и между самими коренными жителями? Какое экономическое влияние иммиграция оказывает на различные профессиональные и возрастные когорты в рамках коренного населения? Как эти последствия изменяются с течением времени? В отношении коренного населения стран, принимающих миграцию, встает та же самая проблема точки отсчета, что и в отношении населения стран, являющихся источником миграции. В настоящее время такой точкой отсчета служит не нулевая миграция, а такие ее значения, которые несколько отличаются от текущего уровня миграции в ту или в иную сторону. Несомненно, все зависит от конкретной страны: на такой слабозаселенной стране, как Австралия, иммиграция сказывается совсем не так, как на странах более густозаселенных – таких как Нидерланды. При попытке ответить на этот вопрос я укажу, что социальные последствия в большинстве случаев окажутся более значимыми, чем экономические – в частности, из-за того, что последние обычно бывают скромными. Чистое влияние миграции на наименее обеспеченные слои коренного населения, скорее всего, будет отрицательным.

Длительный экскурс по трем этим отдельным темам даст нам строительные блоки для общей оценки миграции. Однако, чтобы перейти от описания к оценке, нам потребуются как аналитические, так и этические рамки. Аналитика и этика, используемая в типичной работе, защищающей миграцию, влечет за собой тривиализацию данной проблемы, потому что получается, что все важные эффекты работают в одном и том же направлении, в то время как от противоположных эффектов отмахиваются как от «сомнительных», «несущественных» или «краткосрочных». Но любой честный анализ должен исходить из наличия победителей и проигравших притом, что даже оценка общего влияния на конкретную группу может оказаться неоднозначной, так как она зависит от того, как сравнивать друг с другом потери и приобретения. Если одни люди оказываются в выигрыше, а другие – в проигрыше, то чьи интересы

следует учитывать в первую очередь? Экономический анализ миграции в большинстве случаев дает четкий и убедительный ответ: победители приобретают гораздо больше, чем теряют проигравшие, а значит – горе побежденным. Даже при использовании такого простого критерия, как денежный доход, мы найдем, что выгоды намного превышают потери. Однако экономисты обычно отказываются от денежного критерия в пользу гораздо более изощренной концепции «пользы», и в этом случае общие выгоды от миграции получаются еще более крупными. Для многих экономистов такой ответ решает дело: необходимо проводить такую миграционную политику, которая влекла бы за собой максимум пользы в глобальном масштабе.

В части 5 этот вывод будет мной оспорен. Я утверждаю, что права нельзя приносить в жертву такому сомнительному понятию, как «глобальная польза». Нации являются важными и законными нравственными единицами: собственно, мигрантов как раз и привлекают плоды успешного существования наций. Само наличие национального государства наделяет правами его граждан, особенно бедное коренное население. От его интересов невозможно отмахиваться, ссылаясь на глобальную пользу и приносимые ею блага. В еще более уязвимой позиции, чем бедные коренные жители стран, принимающих мигрантов, находятся люди, остающиеся там, откуда те уехали. И те и другие сильнее нуждаются и намного более многочисленны, чем сами мигранты. Но в отличие от бедного коренного населения стран, принимающих мигрантов, у них нет никакой возможности как-то повлиять на миграционную политику: их собственные власти не в состоянии контролировать темп эмиграции.

Миграционную политику устанавливают власти стран, принимающих миграцию, а не тех стран, которые служат ее источником. В любом демократическом обществе правительство должно соблюдать интересы большинства его граждан, однако те вправе выказывать озабоченность положением как бедных коренных жителей, так и населения беднейших обществ. Поэтому, выбирая миграционную политику, власти стран, принимающих мигрантов, должны сопоставлять интересы бедного коренного населения с интересами мигрантов и тех, кто остается жить в бедных странах.

Буйная компания ксенофобов и расистов, враждебных к иммигрантам, не упускает возможности напомнить о том, что миграция пагубно сказывается на коренном населении. Понятно, что это вызывает соответствующую реакцию: отчаянно стараясь не давать этим группам новых козырей, представители общественных наук из всех сил стремятся показать, что миграция полезна для всех. При этом, сами того не желая, они добиваются того, что у ксенофобов появляется возможность задать вопрос: «Так миграция – это хорошо или плохо?». Ключевая идея данной книги состоит в том, что этот вопрос некорректен. Задавать его так же бессмысленно, как спрашивать: «Еда – это хорошо или плохо?». В обоих случаях более уместным был бы вопрос о том, не хорошо ли это или плохо, а о том, какое количество того и другого является оптимальным. Немного миграции – почти наверняка лучше, чем ее полное отсутствие. Но точно так же, как обжорство вредно для здоровья, так и миграция может быть чрезмерной. Ниже я покажу, что миграция, предоставленная сама себе, будет ускоряться, и потому с большой вероятностью приобретет избыточный размах. Именно поэтому средства контроля над миграцией, отнюдь не будучи неприятным пережитком национализма и расизма, будут становиться все более важными инструментами социальной политики во всех богатых обществах. Неприятно не само их существование, а их непродуманность. В свою очередь, она является результатом табу, препятствующего серьезной дискуссии.

Данная книга представляет собой попытку разрушить это табу. Я прекрасно осознаю, что эта попытка, как и все начинания подобного рода, включает в себе определенный риск. Фундаменталисты, стоящие на страже ортодоксальных взглядов, готовы пустить в ход свои фетвы. Тем не менее пора начинать, и начнем мы с того, что разберемся, почему миграция ускоряется с течением времени.

Глава 2

Почему миграция ускоряется

На протяжении полувека после начала Первой мировой войны страны держали свои границы закрытыми. Войны и Великая депрессия сделали миграцию затруднительной, а иммигрантов – людьми нежелательными. К 1960-м годам подавляющее большинство людей жило в тех странах, в которых они родились. Однако на протяжении этого полувека неподвижности глобальная экономика претерпела драматические изменения: между доходами разных стран обозначился резкий разрыв.

В рамках общества распределение доходов имеет форму колокола: большинство людей находятся более-менее посередине при наличии двух меньшинств – богатого и бедного. Фундаментальной статистической причиной, обеспечивающей именно такое распределение доходов, является случай: процесс получения доходов зависит от повторяющихся ситуаций, при которых одним людям везет, а другим – не везет. Совокупность везения и невезения и обеспечивает колоколообразное распределение доходов. Если удача накапливается мульти-пликативно, то «хвост», соответствующий богатому меньшинству, удлиняется: некоторые люди становятся очень богатыми. Эти мультипликативные силы получения доходов настолько могущественны и вездесущи, что им соответствует распределение доходов во всех странах мира.

Однако к 1960-м годам распределение доходов *между* странами мира выглядело совершенно иначе: не как колокол посередине, а как два колокола по обоим краям. На формальном языке такое распределение называется бимодальным; иными словами, существовали богатый мир и бедный мир. Богатый мир богател все больше и больше, причем этот процесс шел исторически беспрецедентными темпами. Например, с 1945 по 1975 год во Франции доход на душу населения утроился: французы называют этот период золотым тридцатилетием. Экономисты разработали теорию роста, чтобы объяснить, в чем была причина этого нового феномена. Однако бедный мир упустил возможности для роста и продолжает упускать их. Пытаясь понять, по каким причинам произошел этот раскол и почему он сохраняется, экономисты создали такое направление исследований, как экономика развития.

Четыре столпа процветания

При разговоре о миграционной политике многое зависит от того, почему одни страны намного богаче других, и потому сейчас я вкратце расскажу, как изменялась профессиональная точка зрения и мои собственные представления по этому вопросу. Когда экономика развития находилась еще в зародыше, стандартное объяснение поразительного разрыва в доходах сводилось к различиям в капиталовооруженности. Считалось, что трудящиеся в богатых странах работают более продуктивно, потому что в их распоряжении имеется намного больше капитала. От этого объяснения не до конца отказались, однако экономистам отныне приходится учитывать такое принципиальное новшество, как международная мобильность капитала: сейчас он в огромных количествах перемещается из страны в страну. Тем не менее до беднейших стран капитал доходит в незначительных объемах. Бедные страны по-прежнему страдают от нехватки капитала, однако этот факт уже не воспринимается как основная причина их бедности; что-то еще должно отвечать и за то, что им не хватает капитала, и за их бедность. В качестве объяснений выдвигались и анализировались такие факторы, как выбор неудачной экономической политики, дисфункциональная идеология, сложные географические условия, негативное отношение к работе, наследие колониализма и недостаточный уровень образования. Большинство из этих факторов представляются в той или в иной мере убедительными, однако ни один, по-видимому, не годится в качестве окончательного объяснения: например,

выбор политики происходит не сам по себе, а является следствием определенных политических процессов.

Экономисты и политологи во все большей степени предпочитают такие объяснения, в основе которых лежат принципы организации государства: каким образом заинтересованные политические группы задают вид долговечных институтов, которые впоследствии определяют выбор политики⁵. Согласно одному из влиятельных направлений аргументации, ключевые начальные условия процветания должны обеспечивать заинтересованность политической элиты в создании налоговой системы: европейская элита традиционно нуждалась в поступлениях для финансирования военных расходов. В свою очередь, налоговая система делает государство заинтересованным в расширении масштабов экономики и потому подталкивает его к установлению правозаконности. Та стимулирует людей к инвестициям, вселяя уверенность в том, что производственные активы не будут экспропрированы. Инвестиции обеспечивают экономический рост. На этом надежном фундаменте для инвестиций вырастает еще один слой институтов, обеспечивающих распределение доходов. Протесты со стороны множества исключенных вынуждают богатых развивать инклюзивные политические институты: так мы приходим к частнособственнической демократии.

Другие авторы развивают похожую аргументацию, утверждая, что ключевым институциональным изменением стал переход политической власти от хищнических элит, занимавшихся изъятием средств у трудящегося населения, к более инклюзивным институтам, защищающим интересы производителей. В своем важном новом исследовании Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон указывают, что английская Славная революция 1688 года, в ходе которой власть перешла от короля к парламенту, стала первым из подобных решающих событий в мировой экономической истории, инициировав промышленную революцию и открыв путь к глобальному процветанию.

Эта линия рассуждений выдвигает на первое место политические и экономические институты. О значении демократических институтов свидетельствует тот факт, что смена лидера существенным образом сказывается на экономических показателях лишь в тех случаях, если эти институты слабы. Хорошие институты становятся преградой к своеволию лидеров⁶. Поэтому формальные политические и экономические институты играют важную роль: богатые страны обладают более качественными политическими и экономическими институтами по сравнению с бедными странами.

Однако демократические политические институты успешно функционируют лишь в том случае, если простые граждане достаточно хорошо информированы для того, чтобы призвать политиков к ответу. Многие вопросы носят сложный характер, причем это относится и к самой миграционной политике. Кейнс проницательно предположил, что простые люди знакомятся со сложными проблемами с помощью нарративов – доступных для понимания кратких изложений теоретических вопросов⁷. Нарративы легко распространяются, становясь общественными благами, но они могут иметь очень слабое соответствие реальности. Пример тому – нарративы, объясняющие причины болезней. Переход от нарративов, объявлявших болезни результатом колдовства, к нарративам, основанным на теории микроорганизмов, сыграл ключевую роль в становлении общественного здравоохранения. В Европе он произошел в конце XIX века. На Гаити он до сих пор не завершился: даже пострадав от землетрясения, люди все равно опасались больниц. Нарративы в зависимости от своего содержания способны поддерживать, дополнять или подрывать те или иные институты. Нарратив «немцы перестали мириться с инфляцией» способствовал укреплению дойчмарки. Однако аналогичного нарратива в отношении

⁵ Besley and Persson (2011); Acemoglu and Robinson (2012).

⁶ Jones and Olken (2005).

⁷ Kay (2012).

евро в Европе так и не появилось. Подобно дойчмарке, евро пользуется институциональной защитой, сводящейся к двум фискальным правилам; тем не менее с момента введения евро в 2001 году их нарушали 16 из 17 стран еврозоны, включая Германию. Евро представляет собой отважную и, возможно, безрассудную попытку вынудить преобладающие в Европе различные экономические нарративы адаптироваться к новому общему институту. Но эта адаптация происходит медленно и неуверенно. Несмотря на уровень безработицы в 27 %, к 2012 году инфляция в Испании остается выше, чем в Германии, притом, что длительный период более высокой инфляции резко подорвал конкурентоспособность первой из этих стран. Пусть нарративы изменяются с течением времени, но это не снижает их значения.

В то время как Европа дает пример различия экономических нарративов, контраст между США и Южным Суданом иллюстрирует различие в политических нарративах. Президент Клинтон прославился тем, что выиграл избирательную кампанию под лозунгом «Это же экономика, глупец!». Общество, в котором подобные лозунги находят отклик, будет пользоваться совершенно иным набором политических институтов по сравнению с обществом, прибегающим к такому нарративу, как «Народ дин-ка терпит притеснения со стороны народа нуэр»⁸. Аналогично в обществе, считающем, что «зарубежные инвестиции означают новые рабочие места», Национальное агентство инвестиций будет работать совсем по-другому, чем в обществе, уверенном, что «зарубежные инвестиции означают эксплуатацию». Ложные нарративы в конце концов выходят из употребления, но на это может понадобиться много времени. Поэтому одной из причин огромного разрыва в доходах, возможно, является то, что в богатых обществах институты опираются на более функциональные нарративы, чем те, которые преобладают в бедных обществах.

Однако многие правила, диктующие экономическое поведение, носят неформальный характер, и поэтому наш анализ можно распространить не только на институты и нарративы, но и на социальные нормы. Две ключевые социальные нормы связаны с насилием и сотрудничеством. В обществе с высоким уровнем насилия правозаконность хронически игнорируется: домохозяйства и фирмы вынуждены тратить силы на обеспечение безопасности, в предельном случае получая ее путем сохранения бедности с тем, чтобы меньше привлекать к себе внимания⁹. Способность к сотрудничеству представляет собой важнейший фактор процветания: многие товары и услуги являются «общественными благами» и их коллективное предоставление оказывается наиболее эффективным. Поэтому социальные основы мира и сотрудничества существенны в плане экономического роста и не вытекают непосредственным образом из формальных институтов. Стивен Пинкер убедительно предположил, что нормы, связанные с насилием, весьма радикально изменялись на протяжении столетий, пройдя ряд отдельных этапов¹⁰. Первым из них был переход от анархии к централизованной власти; его еще предстоит проделать Сомали. Второй – переход от власти к авторитету, еще не осуществленный многими режимами. Кроме того, сравнительно недавним явлением стало усиление способности сочувствовать страданиям других людей и отказ от кодексов клановой и фамильной чести, сделавшие обращение к насилию менее приемлемым.

Основы сотрудничества широко исследовались в ходе игровых экспериментов, и в настоящее время мы имеем о них весьма хорошее представление. Устойчивое сотрудничество зависит от доверия. Та степень, в которой люди готовы доверять друг другу, очень сильно различается от общества к обществу. Общества с высоким уровнем доверия в большей степени способны к сотрудничеству, а кроме того, несут более низкие издержки трансакций, потому

⁸ В блестящем новом исследовании Тимоти Бесли и Марта Рейнал-Квероль (Besley and Reynal-Querol 2012) показывают, что в Африке причиной современных кровавых конфликтов может служить даже память о конфликтах, происходивших в XV веке.

⁹ Greif and Bates (1995).

¹⁰ Pinker (2011).

что меньше зависят от процессов формального принуждения к соблюдению обязательств. Поэтому социальные нормы так же важны, как и формальные институты. Нормы, преобладающие в богатых обществах, обеспечивают намного более низкий уровень межличностного насилия и более высокий уровень доверия, чем те, которые преобладают в бедных обществах.

В свою очередь, институты, нарративы и нормы способствуют возникновению эффективных организаций, обеспечивающих производительность своей рабочей силы. Как правило, высокая производительность достигается путем компромисса между масштабами и трудовой мотивацией. Экономисты давно поняли существование прямой зависимости между размером и производительностью: крупным организациям доступна экономия за счет масштаба. Однако убедительный анализ мотивации был осуществлен лишь недавно. Несомненно, свою роль здесь играют и стимулы, однако работа нобелевского лауреата Джорджа Акерлофа и Рейчел Крэнтон позволяет по-новому оценить, каким образом успешные организации используют мотивацию, основанную на идентичности. Эффективная фирма навязывает своим работникам идентичность, способствующую высокой производительности¹¹. Акерлоф приходит к своей ключевой идее, задаваясь вопросом: «Как становятся хорошими водопроводчиками?». Он указывает, что главное здесь – не профессиональная подготовка и не хороший заработок, а скачок идентичности, после которого водопроводчик сам начинает считать себя хорошим водопроводчиком. Для водопроводчика, совершившего этот скачок, плохая работа будет несовместима с его чувством идентичности. В частном секторе конкуренция вынуждает организации к повышению производительности их работников. Акерлоф и Крэнтон показывают, что фирмы, добившиеся успеха, действительно идут на определенные затраты сил и времени с целью побудить своих работников к тому, чтобы те воспринимали стоящие перед фирмой задачи как свои собственные и перестали быть «посторонними». В общественном секторе организации принуждаются к тому же самому силами политической подотчетности. Чем выше доля тех, кто перестал быть «посторонним», тем выше производительность рабочей силы, и потому все оказываются в выигрыше.

Бедные страны бедны в том числе и потому, что им не хватает эффективных организаций: многие из них слишком малы для того, чтобы использовать экономию за счет масштаба, а многие, особенно среди общественных организаций, не умеют мотивировать своих работников. Например, во многих бедных странах учителя не проявляют рвения в работе и не развивают необходимых навыков – таких как функциональная грамотность. Результатом становится катастрофически низкий уровень образовательных стандартов, о чем свидетельствуют результаты международных тестов¹². Такие учителя, очевидно, не совершили необходимого скачка идентичности и не считают себя хорошими учителями, а за это, в свою очередь, несут ответственность те организации, которые их нанимают.

Сочетание институтов, правил, норм и организаций данной страны я буду называть ее *социальной моделью*. Социальные модели существенно различаются даже среди стран с высокими доходами. Особенно сильные институты и частные организации существуют в США, однако европейские общественные организации несколько сильнее американских, а в Японии по сравнению и с Европой, и с США сложились намного более сильные нормы доверия. Но несмотря на различия в деталях, все богатые общества отличаются весьма хорошо функционирующими социальными моделями. Вполне возможно, что различные сочетания хорошо работают, потому что их компоненты удачно адаптировались друг к другу: например, институты и нормы могут постепенно эволюционировать таким образом, чтобы прийти в соответствие с текущим состоянием нарративов и организаций. Но подобная адаптация происходит не автоматически. Напротив, сотни различных обществ существовали тысячи лет, прежде чем в каком-либо из них сложилась социальная модель, способная обеспечить рост процветания.

¹¹ Akerlof and Kranton (2011).

¹² Beatty and Pritchett (2012).

Даже Славная революция была совершена не с целью добиться процветания: ее движущей силой являлась смесь религиозных предрассудков и политического оппортунизма. Английская социальная модель, возникшая в XVIII веке, была воспроизведена и усовершенствована в Америке. Это, в свою очередь, повлияло на социальную революцию во Франции, которая силой оружия насадила свои новые институты по всей Западной Европе. Ключевой момент, который я хочу донести до читателя, состоит в том, что нынешнее процветание Западного мира, с запозданием распространяющееся и в других регионах, не является результатом каких-то неизбежных сил прогресса. На протяжении тысячелетий вплоть до XX века не существовало таких стран, в которых простые люди не были бы бедными. Высокий уровень жизни являлся привилегией элит, присваивавших плоды чужой работы, а не нормальной наградой за производительный труд. Если бы не благоприятное сочетание обстоятельств, сравнительно недавно породивших социальную модель, способствующую экономическому росту, то это прискорбное состояние вещей, по всей вероятности, сохранялось бы и по сей день. В бедных странах оно сохраняется до сих пор.

Если процветание богатого мира покоится на этом фундаменте, то это влечет за собой принципиальные последствия в плане миграции. Мигранты, по сути, бегут из стран с дисфункциональными социальными моделями. Было бы хорошо, если бы вы перечитали последнее предложение и задумались над тем, что из него вытекает. Например, не исключено, что это побудит вас чуть более осторожно относиться к повторяемой с самыми благими намерениями мантре о необходимости «уважать другие культуры». Есть подозрение, что именно культуры – иными словами, нормы и нарративы – бедных обществ, наряду с их институтами и организациями, являются главной причиной их бедности. Разумеется, если исходить из иных критериев, помимо того, насколько эти культуры благоприятствуют процветанию, вполне может оказаться, что они ничем не уступают социальным моделям богатых обществ и даже превосходят их. Возможно, они предпочтительнее в смысле достоинства, гуманности, художественной креативности, чести и добродетели. Однако сами мигранты голосуют ногами в пользу социальной модели, обеспечивающей высокие доходы. Признание того, что бедные общества экономически дисфункциональны, не дает лицензии на снисходительность по отношению к их жителям: борьба с враждебным окружением может дать людям такое же право на уважение, как и успехи, достигнутые в благоприятных условиях. Тем не менее не стоит заходить слишком далеко при защите мультикультурализма: если достойный уровень жизни ценен сам по себе, то с этой точки зрения не все культуры равны друг другу.

Трудящиеся, переселяющиеся из бедных стран в богатые, выбирают для себя новую социальную модель. В результате их производительность резко возрастает. Такого же прироста производительности можно добиться, насаждая функциональные социальные модели в низкопроизводительных обществах, вместо того чтобы перемещать их население в высокопроизводительные общества. В конечном счете решающую роль играют идеи, которые могут распространяться по самым разным каналам. Общества действительно перенимают друг у друга идеи и претерпевают соответствующие изменения: за свою жизнь я наблюдал несколько подобных случаев. В 1970-е годы это произошло в Западной Европе, когда Испания, Греция и Португалия отказались от диктатуры в пользу демократии. В 1989 году Советская империя освободилась из-под власти коммунистов, и другие регионы откликнулись на это событие свержением ряда военных режимов в Латинской Америке и Африке. Поразительные преобразования идут у нас на глазах: «арабская весна» уже привела к переменам в Тунисе, Египте и Ливии, а вскоре это ожидает и Сирию. Все эти события демонстрируют привлекательность идеи демократических институтов. Говорят, что в самом начале холодной войны советский вождь Сталин задал риторический вопрос: «Сколько дивизий есть у папы римского?». Тем самым он хотел сказать, что мощь советского государства восторжествовала над религией, но с тех пор стало ясно, как сильно он заблуждался: идеи сильнее пушек. «Жизнеспособна ли коммунистическая социаль-

ная модель?» – вот над каким вопросом ему следовало задуматься. Перенос идей обеспечивает стремительную конвергенцию многих стран, прежде бывших бедными, с экономиками, имеющими высокий уровень заработной платы. Это снизит нужду в миграции, а может быть, даже приведет к тому, что она пойдет вспять. Однако не существует простых институциональных образцов, которые просто следует скопировать. Институты, нарративы, нормы и организации не обязательно должны быть повсюду одинаковыми, однако им необходима согласованность.

Кроме того, перемещение людей можно заменить перемещением товаров. Собственно, первоначальный импульс к миграции трудящихся в страны с высоким уровнем зарплат сводился к необходимости обойти торговые ограничения, наложенные богатыми странами на импорт из бедных стран. Главные британские общины азиатских мигрантов – в Брэдфорде и Лейчестере – были основаны людьми, первоначально завербованными для работы на тамошних текстильных фабриках. Эти фабрики потеряли привлекательность для британских рабочих из-за роста заработной платы в других секторах экономики. Более эффективным решением был бы перевод текстильной промышленности в Азию, что и произошло примерно десять лет спустя. Однако установленные британскими властями торговые барьеры в сфере текстильного импорта лишали производителей такой возможности. В результате торговый протекционизм, ненадолго продливший жизнь британских фабрик, оставил наследие в виде общин азиатских иммигрантов. Ограничивая перемещение товаров, как поступила Великобритания, и тем самым вызывая ответное перемещение людей, мы не получаем общей экономической выгоды – зато сталкиваемся с целым рядом социальных издержек. Нередко утверждается, что расширение масштабов миграции – один из неизбежных аспектов глобализации. Но по сути это лишь пустая риторика. Перемещение людей отнюдь не является неотъемлемой чертой глобализации; мы можем использовать вместо него такие альтернативы, как перемещение товаров, капитала и идей.

Всегда, когда у нас имеется возможность обеспечить рост производительности перемещая не людей, а товары, идеи или деньги, мы поступим разумно, если именно так и сделаем. Скорее всего, именно это и будет происходить на протяжении ближайших ста лет. Однако, как я покажу ниже, эти альтернативные варианты работают слишком медленно для того, чтобы устранить колоссальный разрыв в доходах между беднейшими обществами и богатыми странами еще при нашей жизни.

Миграция и разрыв в доходах

Экономический рост богатых стран в период золотого тридцатилетия и стагнация бедных стран имеют принципиальное значение для понимания причин современной миграции. Следствием достигнутого в тот период беспрецедентного процветания стало появление стимулов к тому, чтобы вновь открыть двери. Из-за полной занятости наниматели отчаянно нуждались в рабочих. Кроме того, исчезли страхи, удерживавшие рабочих от коллективных действий, вследствие чего профсоюзы выросли в размерах и вели себя более воинственно. Власти, будучи крупнейшими нанимателями, непосредственно сталкивались с нехваткой рабочей силы, но при этом им приходилось как-то реагировать на волну забастовок и ценовую инфляцию, сопровождавшую профсоюзную активность. В погоне за экономическим ростом приглашение рабочих из стран с намного более низким уровнем жизни казалось удачным шагом. Левые политики нуждались в рабочей силе для расширявшейся сферы услуг и инфраструктуры; правые политики нуждались в иммигрантах для того, чтобы заткнуть ими узкие места, тем самым ускорив экономический рост и обуздав профсоюзы. Поэтому власти не только ослабляли ограничения на иммиграцию, но и принимали меры к тому, чтобы привлечь иностранных рабочих. Германия приглашала турок, Франция – североафриканцев, Великобритания – выходцев из

Карибского бассейна, а США – латиноамериканцев; например, Закон 1965 года об иммиграции радикально облегчил въезд мигрантов в США.

Открывая двери, власти богатых стран могли быть уверены в том, что желающие войти в эти двери найдутся. Широкий разрыв в доходах служил для людей из бедных стран мощным стимулом к тому, чтобы перебраться в богатые страны. Однако, несмотря на этот разрыв, первоначально поток мигрантов был не более чем ручейком. Как будет показано в главе 6, на пути международной миграции стоят всевозможные барьеры, помимо чисто юридических ограничений.

Экономисты лишь недавно сумели смоделировать миграцию, используя весь набор приемов, имеющихся в их дисциплине. Прежде препятствием к этому являлась безнадежная неадекватность данных о международной миграции: сколько бы теорий ни создавали экономисты, их было невозможно проверить. Крупные базы данных – это публичные средства производства прикладной экономики: продолжительные усилия, необходимые для того, чтобы собрать их, лишают отдельных исследователей желания заниматься этим, и потому эту работу приходится выполнять международным экономическим организациям, которые способны регулярно выделять на нее необходимые ресурсы и обладают соответствующими полномочиями, полученными от заинтересованной общественности. На протяжении последних нескольких лет в нашем распоряжении начали появляться такие базы данных, но лишь в 2012 году Всемирный банк обнародовал крупную базу данных, которая, по всей вероятности, станет бесценным источником для проведения подобного анализа. За последние пять лет наши фактические знания в этой области расширились сильнее, чем за предыдущие пятьдесят, хотя имеющиеся у нас данные в большинстве своем все равно относятся к периоду до 2000 года.

Учитывая эту оговорку, мы все же можем сказать, что знаем три важные вещи о причинах международной миграции. Первая из них состоит в том, что миграция – это экономическая реакция на разрыв в доходах: чем он шире, тем при прочих равных условиях сильнее стимул к миграции. Вторая сводится к существованию бесчисленных экономических, юридических и социальных препятствий к миграции, в своей совокупности весьма существенных, вследствие чего миграция представляет собой инвестицию: прежде чем получать прибыль, необходимо понести издержки. Поскольку издержки инвестиций в наименьшей степени доступны для самых бедных, это обстоятельство компенсирует стимул, создаваемый разрывом в доходах. Если разрыв широк из-за чрезвычайной бедности людей в стране, служащей источником миграции, то их желание эмигрировать, скорее всего, не осуществится. Третий важный момент заключается в том, что издержки миграции резко снижаются в том случае, если в стране, принимающей мигрантов, уже имеется диаспора выходцев из страны, служащей источником миграции¹³. Издержки миграции сокращаются по мере того, как разрастается община иммигрантов, уже осевших на новом месте¹⁴. Таким образом, темп миграции определяется шириной разрыва, уровнем дохода в стране – источнике миграции и величиной диаспоры. Эти факторы взаимодействуют друг с другом не аддитивно, а мультипликативно: как широкий разрыв при небольшой диаспоре, так и узкий разрыв при крупной диаспоре дадут лишь ручеек мигрантов. Большой поток обеспечивается сочетанием широкого разрыва, крупной диаспоры и не слишком маленького дохода в странах – источниках миграции.

К 1970-м годам разрыв между богатым и бедным миром достиг чудовищных размеров, но затем золотое тридцатилетие завершилось и темпы роста в богатом мире снизились. Постепенно эстафету ускоренного роста перехватили развивающиеся страны, начиная с Восточной Азии. К 1980-м годам ускорение экономического роста началось в Китае и Индии, где живет треть человечества, в 1990-е годы экономический рост пришел в Латинскую Америку, а на

¹³ Beine et al. (2011).

¹⁴ Carrington et al. (1996).

рубеже тысячелетий к ней присоединилась и Африка. Но если разрыв в доходах изначально был достаточно велик, то даже в случае более высоких темпов роста в бедных странах по сравнению с богатыми абсолютный разрыв на протяжении достаточно долгого времени будет только расширяться. Предположим, что доход на душу населения составляет 30 тыс. долларов в богатой стране и 2 тыс. долларов в бедной, но при этом экономика бедной страны возрастает на 10 % в год, а богатой – всего на 2 %. В относительном плане между обеими странами происходит быстрая конвергенция, однако абсолютный разрыв в доходах возрастет за год с 28 000 до 28 400 долларов. В смысле отношения прибыли к инвестициям миграция становится не *менее*, а *более* привлекательной. Более того, благодаря росту доходов в стране – источнике миграции первоначальные издержки миграции окажутся более доступными. В конце концов решающее слово останется за соотношением темпов роста. Если экономика в бедной стране по-прежнему будет развиваться быстрее, чем в богатой, то в какой-то момент абсолютный разрыв в доходах опять начнет сужаться и дополнительный доход перестанет существенно сказываться на доступности миграционных издержек. Но при изначально широком разрыве он начнет сужаться намного позже ускорения темпов роста. Китай только сейчас подходит к этапу, на котором начнет сокращаться его абсолютное отставание в доходах от западных стран. Однако абсолютный разрыв между бедными и богатыми странами продолжит расширяться на протяжении десятилетий. Более того, в бедных странах доходы останутся такими низкими, что издержки миграции по-прежнему будут играть заметную роль: рост доходов пойдет на финансирование инвестиций в миграцию. Таким образом, хотя у бедных стран имеются хорошие перспективы на постепенное преодоление отставания, в течение нескольких десятилетий разрыв в доходах останется достаточно широким для того, чтобы создавать серьезный и притом лишь увеличивающийся стимул к миграции.

Следствием миграции являются диаспоры, а те способствуют миграции: что из них – курица, а что – яйцо? Как раз на этот вопрос у нас есть ответ. По причине того, что на протяжении значительной части XX века границы богатых стран были закрыты для мигрантов из бедных стран, еще в начале 1960-х годов значительные диаспоры отсутствовали. Начиная с 1960 года миграция предшествовала росту диаспор. Из-за первоначальных ничтожных размеров диаспор открытие границ на первых порах привело лишь к скромной миграции, несмотря на широкий разрыв в доходах. В отсутствие диаспоры, принимающей мигрантов, издержки миграции были слишком высоки.

Взаимодействие разрыва в доходах и диаспор порождает простую и притом поразительную динамику: размер миграционного потока зависит от разрыва в доходах и от уже существующего количества мигрантов. По мере его увеличения поток нарастает, и потому при заданной величине разрыва миграция ускоряется. Экономистов всегда интересует равновесие: та точка, в которой противоположные силы уравниваются друг друга и система приходит в состояние покоя. Миграция может находиться в состоянии покоя в двух смыслах. Либо речь идет о том, что темп миграции не ускоряется, а остается постоянным, либо, в более буквальном смысле слова, прекращается чистый отток людей из одной страны в другую. Может ли этот простой процесс взаимодействия между разрывом в доходах и диаспорой привести к установлению того или другого равновесия?

Почему равновесие не всегда достижимо

При заданном разрыве в доходах миграция перестанет ускоряться только в том случае, если прекратится рост диаспоры. Но поскольку она постоянно увеличивается за счет миграции, то ее рост остановится лишь при наличии какого-то компенсирующего процесса, сокращающего ее размер. Диаспора как концепция проста для понимания, но измерить ее величину очень сложно. Как правило, в этих измерениях используются такие приближенные показатели,

как число жителей данной страны, не родившихся в ней. Однако в основе используемого нами понятия диаспоры лежит не место рождения, а поведение. В плане темпов миграции для нас важно количество людей, как-то связанных с новыми мигрантами и *готовыми помочь им*. В этом смысле темп выхода из диаспоры зависит не от уровня смертности среди иммигрантов, а от передачи культуры и обязательств. Я сам – внук иммигранта, но не смогу ничем помочь тем, кто хотел бы переселиться в Великобританию из Эрнсбаха. Хотя мне однажды довелось побывать в этой красивой деревне, покинутой моим дедом, я не имею никаких связей ни с ее жителями, ни с другими потомками немцев, живущими в Великобритании: я не являюсь членом диаспоры. При этом некоторые другие внуки иммигрантов действительно принадлежат к диаспоре, определенной вышеназванным образом.

В большинстве обществ у диаспоры нет четкой границы: многие люди стоят одной ногой в иммигрантском прошлом, а другой – в общем будущем. Тем не менее в целях анализа нередко бывает полезно выделить четкие категории и схематические процессы, приближенные к реальности. Точность изображения при этом приносится в жертву упрощениям, позволяющим обозначить вероятные последствия взаимосвязей между различными факторами. Поэтому мы рассмотрим условную страну, в которой существует диаспора, постепенно вливающаяся в основное общество, причем ежегодно это происходит с определенной долей диаспоры. Этот процесс может принимать самые разные формы. Так, иммигрант может просто потерять контакт с обществом, которое он покинул, или лишиться интереса к нему. Дети иммигрантов порой предпочитают считаться членами приютившего их общества, как произошло с моим отцом. Или же с течением времени каждое последующее поколение выходцев из иммигрантских семей психологически все сильнее отдаляется от страны своих предков. Долю диаспоры, ежегодно покидающую ее ряды, мы назовем *темпом абсорбции*; он может быть как высоким, так и низким. Например, если ежегодно из каждых ста членов диаспоры двое переходят в основное общество, то темп абсорбции составит 2 %.

Темп абсорбции зависит от того, откуда и куда прибыли мигранты. Также он может зависеть от государственной политики. Более подробно мы обсудим соотношения между этими факторами в главе 3. На данном этапе ограничимся только одним фактором, напрямую влияющим на темп абсорбции: последний зависит непосредственно от величины самой диаспоры.

Размер диаспоры важен потому, что чем активнее взаимодействует член диаспоры с коренным населением, тем выше вероятность того, что он скоро вольется в его ряды. Но помимо взаимодействия с коренным населением, он взаимодействует также с другими членами диаспоры. Чем больше размер диаспоры по отношению к коренному населению, тем меньшую роль будет играть взаимодействие с ним. Так происходит из-за того, что на практике человек не может неограниченно взаимодействовать с окружающим обществом. Как правило, число реальных взаимосвязей, которые каждый из нас может иметь с другими людьми, не превышает примерно 150¹⁵. Поэтому чем крупнее диаспора, тем меньше ее представители взаимодействуют с коренным населением и, соответственно, тем ниже темп абсорбции. Следует отметить, что в принципе существует и противоположный эффект. Чем крупнее диаспора, тем сильнее с ней взаимодействует коренное население и тем быстрее культура диаспоры растворяется в местной культуре. Но пока диаспора остается меньшинством, ее типичный представитель будет гораздо шире контактировать с коренным населением, чем типичный представитель коренного населения – с диаспорой. Таким образом, если эти контакты будут порождать стимулы к абсорбции, с равной силой действующие в обе стороны, то процесс абсорбции будет заключаться преимущественно в адаптации мигрантов. Несмотря на то что чем крупнее диаспора, тем быстрее к ней адаптируется коренное население, сомнительно, что этот процесс

¹⁵ Число людей, с которыми каждый из нас способен поддерживать осмысленные отношения, не превышает 150. Эта величина известна как постоянная Данбара (Dunbar 1992).

может компенсировать снижение темпа адаптации мигрантов¹⁶. Отсюда вытекает важное следствие: чем крупнее диаспора, тем ниже темп ее абсорбции.

Знакомство с рабочей моделью

Теперь в нашем распоряжении имеются все три строительных блока, позволяющие понять динамику миграции. Во-первых, миграция зависит от размера диаспоры: его увеличение облегчает миграцию. Во-вторых, миграция увеличивает размер диаспоры, а абсорбция в основное общество снижает его. В-третьих, темп абсорбции определяется размерами диаспоры: чем крупнее диаспора, тем медленнее абсорбция. Пора приладить три этих блока друг к другу. Если у вас хорошо развита интуиция, вы сумеете сделать это самостоятельно. Однако большинству из нас не обойтись без помощи, и такую помощь нам могут оказать модели.

Модель – это рабочая лошадка исследователя. Ее преимущество состоит в том, что она может дать четкие ответы на вопросы, достаточно сложные для того, чтобы разобраться в них чисто интуитивным способом. Модели не заменяют такое понимание; они служат строительными лесами, позволяющими учесть то, что иначе мы можем упустить. Самый простой способ объяснить, как работает конкретная модель, – нарисовать график. Они могут вносить ясность в изучаемый вопрос, и тот график, который предлагается вашему вниманию, несложен, зато заключает в себе много важных моментов. Время от времени на протяжении всей книги я буду возвращаться к нему, чтобы извлечь из него еще ту или иную идею, поэтому имеет смысл изучить его чуть подробнее. На любом графике сопоставляются те или иные величины: почти каждый из нас знаком с типичным газетным графиком, на котором по горизонтальной оси откладывается время, а по вертикальной оси – какой-нибудь достойный внимания показатель, наподобие уровня безработицы. На графике, изображенном на рис. 2.1, по вертикальной оси откладывается темп миграции с островов Тонга в Новую Зеландию, а по горизонтальной оси – размер тонганской диаспоры в Новой Зеландии, то есть количество неабсорбированных мигрантов и их потомков, уже проживавших в стране, принимающей миграцию.

Теперь изобразим первый строительный блок: зависимость миграции от величины диаспоры. Разумеется, миграция зависит и от других факторов, и в первую очередь от разрыва в доходах. Поэтому временно примем разрыв в доходах постоянным, что позволит нам не учитывать этот показатель и сосредоточить все внимание на диаспоре и миграции. Например, можно рассмотреть миграцию из такой страны, как Тонга, в такую страну, как Новая Зеландия, и попытаться изобразить соотношение между темпом этой миграции и величиной тонганской диаспоры в Новой Зеландии. В результате у нас получится что-то вроде линии $M - M'$ на приведенном графике. Миграция происходит даже при отсутствии диаспоры, потому что разрыв в доходах вынуждает некоторых людей к смене места жительства. Но чем крупнее тонганская диаспора, тем быстрее идет миграция из Тонга. Было бы удобно как-то назвать это взаимоотношение. В подражание жаргону экономистов мы будем называть его *миграционной функцией*, но с тем же успехом можно говорить о «поддержке миграции диаспорой», потому что именно это изображено на графике.

¹⁶ Например, в особенно тщательном исследовании турецкой и сербской диаспор в Германии (Koszan 2013) показывается, что чем выше в классе доля детей из диаспоры, тем больше вероятность того, что у ребенка из диаспоры разовьется ярко выраженное чувство принадлежности к ней.

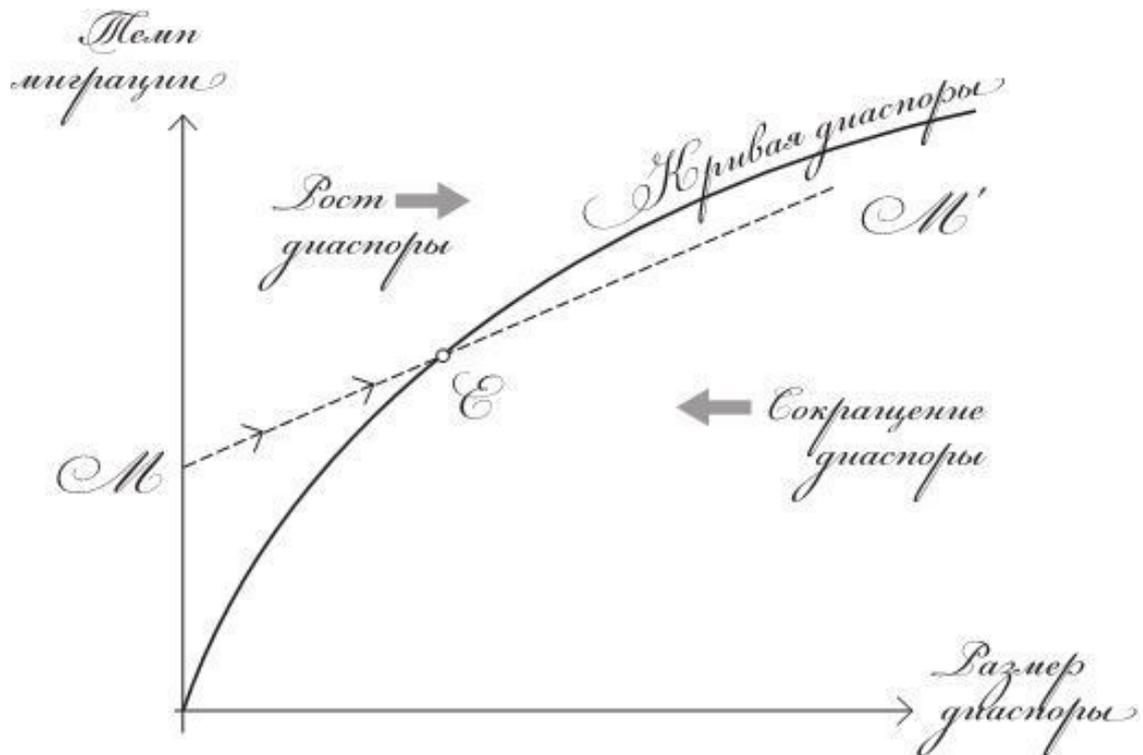

Рис. 2.1. Миграция в Новую Зеландию с островов Тонга

Теперь обратимся ко второму строительному блоку – пополнению и сокращению диаспоры. При каком сочетании размера диаспоры и темпа миграции пополнение диаспоры за счет миграции уравнивается оттоком, вызванным абсорбцией? Очевидно, размер диаспоры останется неизменным лишь в том случае, если число новых тонганских иммигрантов, пополняющих диаспору, будет равно числу бывших тонганских мигрантов и их потомков, выходящих из состава диаспоры. В свою очередь, миграция останется постоянной лишь тогда, когда не будет изменяться размер диаспоры. Пока тонганская диаспора растет, миграция из Тонга все сильнее упрощается и потому ускоряется.

Диаспора будет сохранять свой размер при самых разных сочетаниях ее численности и темпа миграции. Например, предположим, что ежегодно тонганскую диаспору покидают 2 % ее членов. Если тонганская диаспора в Новой Зеландии насчитывает 30 тыс. человек, то значит ежегодно в ней появляется 600 вакансий. Таким образом, размер диаспоры не будет изменяться, если ежегодно из Тонга будет прибывать 600 мигрантов. Из этой связи между темпом абсорбции и числом иммигрантов вытекает одно простое следствие. Тонганская диаспора будет возрастать до тех пор, пока ее численность не превысит темп миграции в 50 раз.

Такое сочетание размера диаспоры и темпа миграции, при котором численность диаспоры не изменяется, дает нам *кривую диаспоры*. Как она выглядит? Во-первых, очевидно то, что при отсутствии какой-либо диаспоры и миграции размер диаспоры так и останется нулевым. Поэтому одним своим концом кривая диаспоры упирается в угол графика¹⁷. Слева от *кривой* диаспора будет слишком мала для того, чтобы числа вакансий, создаваемых абсорбцией, хватало для всех новоприбывших. Поэтому диаспора будет расти. Справа от *кривой* диаспора сокращается. Эти изменения, которые экономисты несколько напыщенно называют «динамикой», показаны на графике стрелками.

Итак, у нас есть картинка, показывающая, что миграция облегчается при наличии диаспоры и что диаспора растет за счет миграции и сокращается за счет абсорбции. Последним

¹⁷ Точка, в которой пересекаются две оси графика, считается началом отсчета.

строительным блоком является зависимость темпа абсорбции от величины диаспоры. Чем крупнее диаспора, тем больше количество социальных контактов между ее членами и тем ниже будет темп ее абсорбции в основное общество. Темп абсорбции просто-напросто равен *наклону* кривой¹⁸. Чем медленнее происходит абсорбция, тем меньше наклон кривой, и потому по мере роста диаспоры кривая все сильнее приближается к горизонтали.

Опять же, если у вас хорошо развита интуиция, вам не понадобится модель, чтобы понять, как эти три разные силы взаимодействуют между собой. Однако при наличии модели все становится просто: мы можем предсказать и тот момент, когда темп миграции из Тонга в Новую Зеландию перестанет изменяться, и ту величину, которой в итоге достигнет размер тонганской диаспоры. Разумеется, наши предсказания будут зависеть от оценки того, как тонганская миграция зависит от размера диаспоры и как от нее же зависит темп тонганской абсорбции в новозеландское общество. Модель не может быть лучше чисел, лежащих в ее основе. Но она объясняет нам, как эти взаимосвязи сочетаются друг с другом.

Где находится точка равновесия, вы поймете при первом же взгляде на график: там, где линии пересекают друг друга. В этой точке тонганская миграция, стимулируемая миграцией, сравняется с темпом абсорбции, и величина диаспоры перестанет изменяться. При заданном разрыве в доходах темп миграции останется постоянным и тонганская диаспора не будет ни возрастать, ни сокращаться¹⁹.

Помимо того что в этой точке наблюдается состояние равновесия, общество будет приближаться к нему под воздействием неумолимой силы изменений. До тех пор пока миграция не происходит, в Новой Зеландии не будет никакой диаспоры, и потому миграция начинается в точке М. В результате диаспора растет. Но по мере ее роста миграция облегчается и, соответственно, ускоряется. Миграция и диаспора подпитывают друг друга, вместе двигаясь вдоль *миграционной функции*. Однако ускорение миграции и рост диаспоры не будут продолжаться бесконечно. Как только миграция ускорится настолько, что достигнет *кривой диаспоры*, изменения прекратятся. Диаспора увеличивается до тех пор, пока число вакансий, образовавшихся в результате абсорбции, не сравняется с числом прибывающих мигрантов. Поначалу миграция и диаспора взаимно ускоряют друг друга, но после того, как топливо выгорает, ситуация стабилизируется.

Нарисованная здесь картина миграции из Тонга в Новую Зеландию носит чисто гипотетический характер: мне неизвестна реальная форма ни *миграционной функции*, ни *кривой диаспоры* для двух этих стран, и сомневаюсь, чтобы она была вообще кому-либо известна. В том же духе гипотетического анализа видоизменим наш график, взяв пару стран, разрыв в доходах между которыми был значительно более широким. В поле нашего внимания находятся уже не Тонга и Новая Зеландия в XXI веке, а *The Windrush* – судно, в 1948 году доставившее первых мигрантов из Карибского бассейна в Великобританию. В тот момент, когда исчезли барьеры, установленные во время Второй мировой войны и Великой депрессии 1930-х годов, стимул к миграции был настолько велик, что размеры этой миграции намного превышали миграционный поток из Тонга в Новую Зеландию. Эта ситуация изображена на рис. 2.2. Мы видим, что

¹⁸ Чтобы убедиться в этом, предположим на секунду, что темп абсорбции не зависит от величины диаспоры: например, ежегодно из диаспоры в основное общество переходит 2 % ее членов, вне зависимости от ее размера. В таком случае удвоение диаспоры приведет к тому, что число людей, абсорбируемых основным обществом, тоже удвоится. При удвоении числа людей, покидающих диаспору, удвоится число мест для новых мигрантов: таким образом, удвоение диаспоры приведет к удвоению темпа миграции, при котором размер диаспоры не меняется. *Кривая диаспоры* будет выглядеть как прямая линия, выходящая из угла графика. Теперь примем более правдоподобное предположение о том, что темп абсорбции снижается по мере возрастания диаспоры. Если в Новой Зеландии будет насчитываться 30 тыс. тонганцев, то числа их контактов с другими членами общества хватит для того, чтобы поддерживать темп абсорбции в 2 %, но при наличии 60 тыс. тонганцев типичный представитель тонганской диаспоры будет иметь меньше контактов за пределами своей группы и темп абсорбции снизится до 1,5 %. В итоге при удвоении диаспоры число людей, абсорбированных основным обществом, увеличится менее чем вдвое.

¹⁹ Экономисты называют это состояние динамическим равновесием.

функция миграции сдвинулась вверх: при любом заданном размере диаспоры миграция идет быстрее, чем в предыдущем случае. Казалось бы, ситуация изменилась несущественно, но мы приходим к принципиально иному итогу. В то время как в предыдущем случае *миграционная функция* и *кривая диаспоры* пересекались, теперь этого не происходит. Соответственно, равновесие отсутствует: миграция продолжает ускоряться, а диаспора продолжает увеличиваться.

Следует подчеркнуть, что тонганская миграция в Новую Зеландию и миграция в Великобританию из Карибского бассейна используются здесь лишь как абстрактные примеры, иллюстрирующие соответствующие процессы. Я не хочу сказать, что реальная миграция из Карибского бассейна в Великобританию не могла бы прийти к равновесию. Мы никогда не узнаем, как вела бы себя неограниченная миграция, поскольку в 1968 году британское правительство, обеспокоенное участившимися выступлениями против нарастающей иммиграции, ввело ограничения, призванные снизить ее темп.

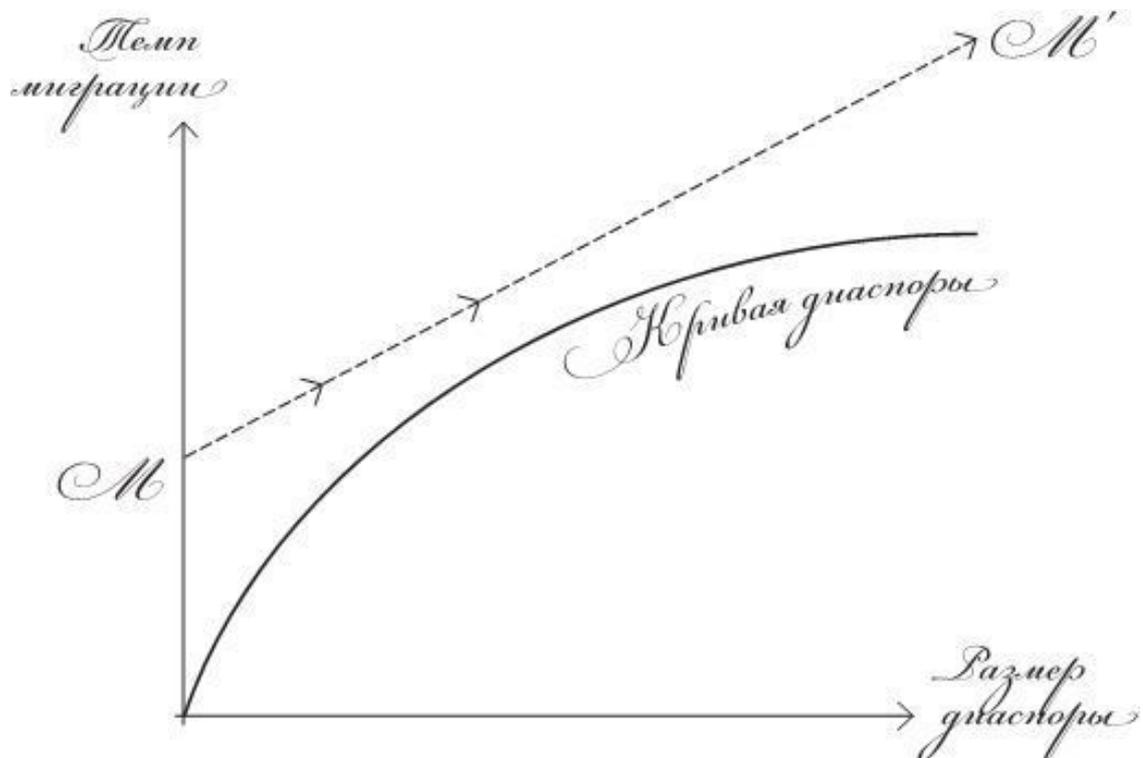

Рис. 2.2. Миграция в Великобританию из Карибского бассейна в отсутствие ограничений

Однако реальная ценность модели заключается не в том, что она наглядно объясняет причины тех или иных явлений, а в возможности использовать ее для того, чтобы предсказать последствия гипотетических ситуаций, включая политические изменения. Ниже, в главах 5 и 12, эта модель станет нашей рабочей лошадкой при анализе миграционной политики. Такой подход позволит нам показать, что реактивная политика порой приносит больше вреда, чем пользы, и что в нашем распоряжении имеются более приемлемые альтернативы.

На какое-то время оставим в покое равновесие в первом смысле, то есть ту точку, в которой темп миграции стабилизируется. Равновесие во втором смысле, то есть прекращение чистого притока людей, может наступить лишь в случае устранения разрыва в доходах. Обрисованная мной система сводится к простому взаимодействию уровней и потоков: величины диаспоры, состоящей из бывших мигрантов, и притока новых мигрантов. Простые уровнево-потоковые модели широко применяются во всевозможных ситуациях. В типичных уровнево-потоковых системах, представляющих собой грубую аналогию миграции, — таких как система с перетеканием воды между двумя сообщающимися сосудами, в которых она перво-

начально стояла на разном уровне, – сам поток постепенно приводит к исчезновению разрыва: один сосуд наполняется, а другой осушается. В нашем контексте такая ситуация наблюдалась бы в том случае, если бы миграция влекла за собой снижение доходов в странах, принимающих ее, и рост доходов в странах-источниках. Простые экономические модели, использовавшиеся для предсказания огромных выгод, которые принесет с собой глобальная миграция, не учитывают никаких других факторов. Мигранты играют роль уравнилелей: в отсутствие препятствий к перемещению миграция продолжается до тех пор, пока не выравняются доходы. В этот момент мигранты могут в какой-то мере ощутить себя одураченными: они ничего не добились, перебравшись на новое место жительства. Те, кто останется на родине, в итоге выигрывают ровно столько же. Коренное население страны, принимающей мигрантов, окажется в проигрыше, но оно может утешать себя тем, что другие получили больше, чем оно потеряло. В качестве описания результатов миграции XIX века из Европы в Северную Америку или, если на то пошло, из Эрнсбаха в Брэдфорд, эта модель служит неплохим первым приближением²⁰. В начальный период освоения Среднего Запада мелкие фермеры могли стать хозяевами более крупных земельных участков, чем те, которые у них были в Европе. По мере заселения Среднего Запада и снижения перенаселенности в Европе размеры земельных наделов в обоих регионах уравнивались. В конце концов фермер Шмидт из Германии стал жить не хуже, чем фермер Шмидт из Айовы. Но при анализе миграции из страны, упустившей возможности для процветания и создания современной передовой экономики, эта простая модель оказывается бесполезной. Современной миграцией движет стремление не к владению землей, а к экономической эффективности.

Как мы увидим в следующих главах, силы обратной связи между миграцией и доходом, как в странах, принимающих миграцию, так и в странах – источниках миграции, носят слабо выраженный и неоднозначный характер. Более того, несмотря на ускорение миграции, ее масштабы незначительны по сравнению с количеством рабочей силы и в родных странах мигрантов, и там, куда они направляются. Поэтому механизм обратной связи зависит от мелких изменений и порождает слабую ответную реакцию. Миграция из бедных стран в богатые едва ли существенно скажется на величине разрыва в доходах.

Факты и их следствия

Таким образом, мы имеем ряд хорошо обоснованных фактов, из которых вытекают важные последствия. Первый из этих фактов – наличие абсурдно широкого разрыва в доходах между бедными и богатыми странами, который при нынешних процессах глобального экономического роста останется широким еще несколько десятилетий. Второй факт – миграция не способна существенно сократить этот разрыв из-за того, что механизмы обратной связи слишком слабы. Третий факт – по мере продолжения миграции в течение нескольких десятилетий продолжится рост диаспор. Таким образом, разрыв в доходах сохранится, а условия миграции будут облегчаться. Из этого вытекает, что миграцию из бедных стран в богатые ожидает ускорение. На протяжении предсказуемого будущего международная миграция не достигнет равновесия: *на наших глазах складывается неравновесное состояние колоссальных масштабов.*

Об ускорении миграции однозначно свидетельствуют совокупные данные. В целом глобальное количество иммигрантов выросло с 92 млн в 1960 году до 165 млн в 2000 году. Но этот прирост скрывает коренные изменения в составе мигрантов. Миграция из богатого мира в бедный сократилась до нескольких миллионов человек. Миграция в пределах богатого мира вышла на плато: увеличение миграции в рамках Европы компенсируется сокращением миграции из Европы в страны Нового Света. Отметим, что на протяжении этого периода колоссально

²⁰ Hatton and Williamson (2008).

выросли объемы торговли и потоки капитала между странами богатого мира. Мы видим, что, несмотря на прогнозы об увеличении миграции вследствие неизбежной глобализации, в богатом мире этого не произошло. Объемы миграции между развивающимися странами возросли незначительно – примерно с 60 млн до 80 млн человек. Напротив, резко усилилась миграция из бедных стран в богатые – менее чем с 20 млн человек до 60 млн с лишним. Более того, прирост ускорялся от десятилетия к десятилетию. Сильнее всего – и в абсолютном, и в относительном плане – миграция выросла в 1990–2000 годы; для более позднего периода у нас отсутствуют глобальные данные. Разумно предположить, что в 2000–2010 годы это ускорение продолжилось.

Богатые общества отвечали на ускорение миграции ужесточением иммиграционного контроля. В первую очередь это происходило по той причине, что ускорение миграции совпало с замедлением экономического роста в богатых экономиках: золотое тридцатилетие подошло к концу. Уровень безработицы, к моменту ослабления контроля за иммиграцией снизившийся приблизительно до 2 %, достиг уровня примерно в 8 % и застыл на нем. Рост безработицы не был вызван иммиграцией, но он лишил силы очевидные аргументы, послужившие основанием для открытия границ, в то же время породив не менее очевидные аргументы за то, чтобы снова их закрыть. Вследствие несогласованности политических процессов и экономических циклов в разных странах одни страны вводили более строгие правила миграции почти одновременно с тем, как другие осуществляли их либерализацию. Если в 1965 году миграция подверглась существенной либерализации в США, то Великобритания в 1968 году впервые приняла меры к ее ужесточению. Австралия, в 1960-е годы активно субсидировавшая иммиграцию, в 1990-е годы наложила на нее серьезные ограничения.

Но если первоначальное открытие границ основывалось немногим более чем на краткосрочных политических соображениях, то и за последующим введением ограничений не стояли ни серьезное понимание процесса миграции и его последствий, ни продуманная этическая позиция. Миграционная политика проводилась исподтишка и нерешительно. Как ни странно, главные политические партии уклонялись от каких-либо решений в сфере миграционной политики, несмотря на то что она вышла на первые места в рейтингах политических приоритетов избирателей. Левые политики, к тому моменту в основном поддерживавшие миграцию, явно «замалчивали этот вопрос, допускали столько миграции, сколько мы могли вынести, и утверждали, что она способствует экономическому росту». Позиция правых политиков, к тому времени в целом выступавших против миграции, принимала форму «смутного противодействия миграции при отсутствии каких-либо откровенных шагов из страха прослыть расистами либо сделать что-либо, что могло бы замедлить экономический рост». Природа не терпит пустоты, и точно так же ведут себя политики-оппортунисты. Пространство, не занятое главными политическими партиями, быстро захватили всевозможные гротескные фигуры: расисты, ксенофобы и психопаты сумели завлечь в ряды своих сторонников обычных, вполне достойных граждан, у которых вызывает все больше беспокойства молчание главных партий. К настоящему моменту экстремистов сдерживает лишь мажоритарная избирательная система. В США и Великобритании, где наличие такой системы осложняет выживание третьих партий, экстремистам не удалось прочно встать на ноги. Однако практически во всех обществах с более инклюзивными избирательными системами партии, сделавшие ставку на антииммигрантскую политику, сейчас получают поразительно большую долю голосов. Главные партии, напуганные становлением экстремистских сил, еще сильнее уклоняются от обсуждения проблемы иммиграции, вместо того чтобы вести разумную дискуссию по этому вопросу. Можно рассматривать такой результат либо как шокирующее разоблачение простых людей, либо как шокирующее разоблачение главных партий: лично я придерживаюсь последней точки зрения. Не стоим ли мы в двух шагах от катастрофы, если в некоторых европейских странах около пятой части коренного электората тратит свои голоса на поддержку маргинальных партий из-

за того, что главные партии не желают должным образом обсуждать проблему, которую их избиратели справедливо или несправедливо считают самым важным вопросом, стоящим перед их страной?

Так как же должна выглядеть честная дискуссия о миграционной политике? Во-первых, она должна основываться на беспристрастно собранных фактах – таких как три вышеназванных главных факта. Разумеется, в придачу к этим существует много других фактов, и некоторые из них будут рассмотрены в следующих главах. Опираясь на эти факты, следует начать открытое обсуждение вопроса об этичности иммиграционных ограничений. Если все такие ограничения априори являются этически нелегитимными, то миграция достигнет размеров, намного превышающих наблюдавшиеся в предыдущие десятилетия. Если же они легитимны, то им будут противостоять резко возросшие силы спроса, вследствие чего намного большее значение приобретут принципы и механизмы контроля.

Часть II

Принимающая сторона: «добро пожаловать» или «понаехали тут»?

Глава 3

Социальные последствия миграции

В данном разделе я собираюсь рассмотреть вопрос о том, каким образом будущая миграция может сказаться на коренном населении стран, принимающих мигрантов. В этой фразе ключевым является слово «будущая». Вопрос «Принесла ли миграция пользу или вред?» сейчас интересует меня в меньшей степени. Если он непременно требует ответа, я сказал бы, что пользы от миграции все же было больше, но это сейчас несущественно. На секунду представим себе невероятную ситуацию: всеобщее убеждение в том, что миграция была вредна. Даже в таком случае ни один разумный человек не станет требовать репатриации мигрантов и их потомков. В современных богатых обществах массовые изгнания невыносимы. Поэтому, несмотря на конкретность и абсолютную осмысленность вопроса «Принесла ли миграция пользу или вред?», ставить его так же неуместно, как спрашивать: «Стоило ли вам родиться на свет?». Вопрос, который я в итоге собираюсь рассмотреть, носит гипотетический характер: если нас ожидает существенный прирост миграции, как она скажется на населении принимающих ее стран? Как было показано в главе 2, в отсутствие эффективного контроля миграция неизбежно ускоряется, и потому этот вопрос, несмотря на его гипотетичность, вполне уместен. С целью направить ваши мысли в нужную сторону сразу же укажу, что воздействие миграции в первом приближении можно изобразить в виде перевернутой U-образной кривой: умеренная миграция полезна, а крупномасштабная – вредна. Поэтому для нас важен не вопрос о том, полезна ли миграция или вредна, а о том, какое количество мигрантов является оптимальным. В свою очередь, ниже будет показано, что ответ на этот вопрос зависит от того, насколько быстро мигранты вливаются в состав коренного населения.

Поскольку данный раздел посвящен влиянию миграции на население принимающих ее стран, следует признать, что некоторые экономисты считают бесполезной саму постановку этого вопроса, не говоря уже о попытках ответить на него. Наиболее типичные этические рамки, используемые в экономике, носят утилитарный характер: «максимум счастья для максимального числа людей». В применении к таким глобальным проблемам, как миграция, они дадут простой и поразительный ответ: то, что происходит с коренным населением стран, принимающих миграцию, несущественно до тех пор, пока мир в целом выигрывает от миграции. Несмотря на то что этот универсально-утилитарный моральный компас является стандартным в экономическом анализе, он слабо связан с тем, что думает большинство людей. Ниже мы вернемся к этому моменту. Другое возражение, связанное с постановкой этого вопроса, выдвинул Майкл Клеменс, видный экономист и сторонник более массовой миграции, спросивший: «Кто это – „мы“?»²¹. Он утверждает, что с точки зрения какого-нибудь будущего столетия «нами» будут считаться потомки как современного коренного населения, так и мигрантов. Поэтому, по его мнению, необходимо задаться вопросом о том, принесет ли иммиграция долгосрочные блага этим потомкам. Как мы увидим ниже, я думаю, что такая попытка представить себе будущее может быть полезна. Но в данном случае аргумент Клеменса пахнет жульниче-

²¹ Clemens (2011).

ством. Чтобы понять недостатки того или иного аргумента, иногда приходится довести его до крайности. Чисто гипотетически предположим, что массовая иммиграция привела к исходу большей части коренного населения, однако оставшиеся вступили в браки с иммигрантами, и их совместное потомство живет лучше, чем жили они сами. Зная это заранее, коренное население могло сделать разумный вывод о том, что массовая иммиграция не отвечает его интересам. Будет ли законным ограничение на прибытие мигрантов, введенное на основе такого понимания своих интересов, зависит от того, признана ли свобода передвижения в качестве глобального права.

Можно также указать, что коренное население любой страны – это полукровки, потомство прежних волн иммиграции. В какой степени это утверждение верно, зависит от конкретного общества. Несомненно, дело обстоит именно так в случае стран Северной Америки и Австралии, представляющих собой результат иммиграции XIX века. Поскольку Великобритания – остров, очевидно, что все ее коренные жители являются потомками иммигрантов в том или ином поколении, однако вплоть до середины XIX века состав британского населения отличался поразительной стабильностью. Недавние успехи в изучении ДНК позволили выявить генетические цепочки предков одного пола: сын – отец – дед и далее обратно в прошлое, или дочь – мать – бабушка и т. д. Как ни странно, выяснилось, что около 70 % современных жителей Британии являются непосредственными потомками людей, населявших Великобританию в донеолитические времена, то есть ранее 4000 года до н. э.²² С того времени по Британию периодически прокатывались волны иммиграции. Неолитическая культура и технологии, скорее всего, были принесены сюда иммигрантами. Потомки англосаксонских и норманнских иммигрантов совместно создали английский язык, благодаря своему мультикультурному происхождению отличающийся непревзойденным лексическим богатством. Иммигранты гугенотского и еврейского происхождения сыграли важную роль в развитии британской торговли. Однако все эти миграции, растянувшиеся на период в шесть с лишним тысяч лет, судя по всему, в целом имели весьма скромные размеры. Следствием этого обстоятельства стала стабильность: непрерывные браки между жителями острова со временем привели к тому, что всякий человек из далекого прошлого, чьи потомки дожили до наших дней, наверняка был предком всего современного коренного населения. В этом смысле коренное население Британии буквально имеет общую историю: и короли, и королевы, и их слуги являются нашими общими предками. И вряд ли Британия в этом отношении является исключением. Но сейчас нас интересует, можно ли отрицать право на ограничение иммиграции исходя из того факта, что коренное население само состоит из очень отдаленных потомков иммигрантов. Те, кому повезло подняться по лестнице, не должны втаскивать ее наверх вслед за собой. Но насколько эта аналогия уместна в случае миграции, зависит от контекста. Прибывшие в Британию донеолитические люди обжидали незаселенную территорию, точно так же, как это делали первые обитатели любых других стран мира. Они не пользовались разрывом в доходах между устоявшимися обществами, стимулирующим современную миграцию. Собственно говоря, на протяжении тысячелетий после своего заселения Европа была не более процветающим регионом, чем другие части света. Первые поселенцы не взбирались по лестнице, и потому их наследников не обвинишь в том, что они убирают ее за собой.

Но сейчас я предлагаю временно отложить вопрос о том, этично ли контролировать миграцию. Вне зависимости от того, имеется ли у коренного населения моральное право управлять миграцией в своих собственных интересах, в настоящее время оно обладает юридическим правом на такое управление. Поскольку мало найдется таких государств, которые бы претендовали на право ограничивать выезд из страны, контроль за глобальной миграцией в конечном счете осуществляется исключительно от имени коренного населения и его предполагаемых

²² Cunliffe (2012).

интересов. Впрочем, несмотря на демократический режим, существующий в богатых странах, проводимая ими миграционная политика зачастую не соответствует предпочтениям коренного электората. Например, в Великобритании 59 % населения (включая иммигрантов) считают, что в стране уже и так «слишком много» иммигрантов. Тем не менее в долгосрочном плане коренное население демократических стран будет терпеть иммиграцию лишь до тех пор, пока считает, что она ему выгодна.

Поэтому, не тратя лишних слов, ответим на вопрос: каким образом миграция сказывается на положении коренного населения и как это воздействие различается в зависимости от ее масштабов? К счастью, в последнее время по этой теме были проведены обширные исследования. Будучи экономистом, я в первую очередь, естественно, изучал экономические последствия миграции. Однако я пришел к выводу о том, что в данном случае экономические аспекты вряд ли будут играть решающую роль. Несмотря на полемические заявления обеих сторон, участвующих в дискуссии об иммиграции, факты говорят о том, что чистое воздействие миграции обычно бывает не слишком значительным. В большинстве обществ миграционная политика должна определяться не на основе экономических последствий. Поэтому попробуем поставить на первое место не экономические, а социальные результаты, а затем попытаемся оценить их в сочетании друг с другом.

Взаимное внимание

Социальные последствия миграции зависят от характера связей между иммигрантами и принимающим их обществом. В крайнем случае к ним относятся исключительно как к трудящимся, запрещая им становиться членами общества в каком-либо ином качестве. Такой подход принят лишь в некоторых принимающих обществах, по этой причине не ощущающих на себе иного воздействия миграции, кроме чисто экономического. Однако в большинстве стран иммигранты не просто входят в состав рабочей силы, а становятся частью общества, и потому различными способами взаимодействуют с другими людьми. Миграция повышает разнообразие общества. В некоторых отношениях это полезно: разнообразие обеспечивает больше возможностей, и потому создает дополнительный стимул и выбор. Но в то же время разнообразие приносит с собой проблемы. Причиной этого служит то, что в современной экономике благосостояние существенно возрастает благодаря фактору, который можно назвать взаимным вниманием.

Под взаимным вниманием я понимаю нечто более существенное, чем взаимное уважение, – нечто близкое к сочувствию или благожелательной симпатии. На проявление взаимного *уважения* способен всякий, кто держится на уважительном расстоянии от остальных, соблюдая принцип невмешательства, действующий в обществе типа «Не трогай меня». Напротив, на взаимном *внимании* строятся два типа поведения, играющие принципиальную роль в успешных обществах.

Первый из них – это готовность лиц, добившихся успеха, оказывать финансовую помощь менее удачливым. Несмотря на то что такая помощь приобрела сильно политизированный характер и подается как конфликт между либертарианской и социалистической идеологиями, реально ее корни скрываются в отношении людей друг к другу. Под этим я имею в виду не то, как следует учитывать благосостояние всех прочих жителей Земли – чего требует универсалистская версия утилитаризма, получившая широкое распространение в экономике, – а то, как мы относимся к другим членам своего собственного общества или, в более широком смысле, как мы определяем пределы того, что считаем своим обществом. Взаимное внимание, или сочувствие, порождает чувство лояльности и солидарность с менее везучими членами нашего сообщества.

Кроме того, взаимное внимание оказывает важное влияние на экономику посредством сотрудничества. Вступая в отношения сотрудничества, люди способны обеспечивать себя общественными благами, которые сложно получить при использовании чисто рыночных механизмов. Сотрудничество укрепляется доверием, которое, однако, станет чистым донкихотством, если не основывать его на разумном предположении о том, что на доверие нам ответят доверием. Фундамент рационального доверия – понимание того, что для общества характерно взаимное внимание: в силу того, что люди сочувствуют друг другу, разумно допустить, что их сотрудничество будет взаимным.

Результаты этого сотрудничества зачастую бывают непрочными. Самое популярное общественное учреждение в Великобритании – Национальная служба здравоохранения. На первый взгляд, НСЗ нуждается не в сотрудничестве, а в экономической помощи путем выплаты налогов, но на самом деле ей требуется и то и другое. Неписанным условием ее работы является готовность прощать ей мелкие ошибки. Это условие в последнее время выполняется так слабо, что все более серьезная доля бюджета НСЗ поглощается выплатами по искам. После того как такие иски стали обычным делом, со стороны людей, пострадавших от ошибок НСЗ, было бы донкихотством не требовать возмещения ущерба. Но это неизбежно снижает качество услуг, поскольку у НСЗ не хватает на них денег. Кроме того, НСЗ все меньше готова признавать свои ошибки, а следовательно, учиться на них. Замена снисходительности судебными исками представляет собой пример краха хрупкого равновесия, обеспечивавшегося сотрудничеством.

Каждое общество должно внимательно относиться к компромиссу между выгодами большего разнообразия и издержками пониженного взаимного внимания. Однако один принцип вполне ясен. Выгодам большего разнообразия свойственно сокращение отдачи: иными словами, подобно большинству аспектов потребления, по мере роста разнообразия оно приносит все меньше и меньше выгоды. И напротив, по достижении некоего заранее неизвестного момента издержки, связанные со снижением взаимного внимания, резко возрастают в связи с переходом порога, за которым сотрудничество становится нестабильным. Игра в сотрудничество – вещь хрупкая: если надавить слишком сильно, все рухнет. Выражаясь наукообразно, равновесие обладает лишь *локальной* стабильностью. Таким образом, умеренная миграция, скорее всего, окажется выгодна для общества, в то время как непрерывная массовая миграция влечет за собой риск серьезных издержек. Оставшаяся часть главы будет посвящена рассмотрению этих потенциальных издержек.

Взаимное внимание: доверие и сотрудничество

Благодаря исследованиям в сфере экспериментальной экономики мы сейчас понимаем, какие факторы обеспечивают продолжение сотрудничества. В принципе успешное сотрудничество – это маленькое чудо, ведь если почти все остальные сотрудничают друг с другом, то любая задача будет решена и без моего участия: так зачем же мне нести издержки этого участия? В случае почти всеобщего сотрудничества у каждого индивидуума появится сильный стимул к «жизни на халяву», и потому сотрудничество обычно бывает нестабильным. Выясняется, что продолжение сотрудничества обеспечивается не одним лишь массовым проявлением доброй воли. Ключевым ингредиентом служит наличие достаточно большого числа тех, кто работает усерднее других. Плоды их усердия позволяют наказывать уклоняющихся от сотрудничества. В большинстве современных обществ люди проявляют все меньше склонности к тому, чтобы оценивать чужое поведение. Однако мы можем позволить себе роскошь благодушия лишь при наличии людей, не склонных к сантиментам и трезво мыслящих. Наказания стоят дорого, поэтому люди готовы прибегать к ним лишь тогда, когда в достаточной мере прониклись не только благодушием, но и возмущением в адрес «халявщиков». Сотрудничество является делом непрочным, потому что если достаточно большому числу людей удастся уйти от нака-

зания, то рациональной стратегией становится отказ от сотрудничества. Роль героев, исполняемая людьми, наказывающими за уклонение от сотрудничества, в свою очередь, создает возможность появления абсолютных злодеев. Мелкие злодеи – это люди, не участвующие в сотрудничестве, а сверхзлодеи – люди, наказывающие героев. Опять же, поскольку наказание весьма затратно, то систематическое удовлетворение от наказания героев можно получить лишь в том случае, если существуют люди, возмущающиеся не теми, кто подрывает сотрудничество, а теми, кто принуждает к нему других. С какой стати кто-то может стать носителем такой извращенной морали? Во-первых, причиной этого может стать идеологическая оппозиция к сотрудничеству, вызванная верой в высшую ценность индивидуализма, заставляющей видеть в лицах, пытающихся навязать сотрудничество, врагов свободы. Но для нас более важна возможность того, что некоторые люди воспринимают наказание как покушение на свою честь, даже если они виновны в предъявляемых им обвинениях. Более того, некоторые люди могут ощущать непреодолимую личную преданность другим людям, даже если те – «халявщики», и, соответственно, возмущаться попытками наказать их за такое поведение.

Доверие и желание сотрудничать не возникают сами по себе. Они не являются врожденными признаками «благородного дикаря», которого испортила цивилизация: в этом отношении Жан-Жак Руссо пал жертвой вопиющего заблуждения. Факты свидетельствуют ровно об обратном: доверие и готовность к сотрудничеству за пределами семьи приобретаются вместе с прочими полезными склонностями, накапливающимися в современном процветающем обществе. Бедные общества бедны еще и потому, что не обладают этими склонностями. Каким образом поддерживается отсутствие доверия, раскрывается в двух новых блестящих исследованиях, посвященных Африке. Одно из них опирается на кропотливую реконструкцию далекого африканского прошлого, произведенную историками за последние десятилетия. В совокупности историками зафиксировано более 80 кровавых межгрупповых конфликтов, произошедших до 1600 года. Тимоти Бесли и Марта Рейнал-Квероль попытались обозначить каждый из этих конфликтов его географическими координатами и выяснить, как они коррелируют с современными конфликтами²³. Эта корреляция оказалась поразительно сильной: насилие более чем четырехвековой давности проявляет тревожную склонность к повторению в наши дни. Какой механизм отвечает за эту долговечность насилия? Исследователи предполагают, что механизмом передачи насилия служит отсутствие доверия, порожаемое насилием и сохраняющееся спустя многие десятилетия. Нежелание идти на сотрудничество может усиливаться своим собственным кодексом чести – вендеттой, требующей отвечать злом на зло. Вендетты являются типичной чертой клановых сообществ. В историческом плане кланы представляли собой наиболее распространенную основу социальной организации, и во многих бедных странах такая ситуация сохраняется по сей день²⁴. Как показывает Стивен Пинкер, вендеттам свойственна склонность к нарастанию, потому что причиненное зло систематически преувеличивается пострадавшими и преуменьшается обидчиками, в силу чего возмездие, являющееся обоснованным в глазах ранее пострадавших, воспринимается его очередными жертвами как новое зло²⁵. С вендеттами можно покончить лишь совершенно отказавшись от кодекса чести. Классический пример такого отказа – прекращение дуэлей в Западной Европе в XIX веке: он завершился культурной революцией, после которой дуэли стали выглядеть нелепостью.

Еще одно новое исследование посвящено наследию африканской работорговли. В то время как межплеменные конфликты ведут к краху доверия в отношениях *между* группами, работорговля уничтожила доверие *внутри* групп: нередко люди продавали работорговцам членов своих собственных семей. Натан Нанн и Леонард Уанчекон показывают существование

²³ Besley and Reynal-Querol (2012).

²⁴ Weiner (2011).

²⁵ Pinker (2011).

соответствия между интенсивностью работорговли прежних столетий и современным низким уровнем дохода на душу населения²⁶. Механизмом этой связи опять же является хроническое отсутствие доверия.

Среди хорошо известных мне обществ едва ли не наиболее низкий уровень доверия наблюдается в Нигерии. Сама по себе Нигерия – энергичная, живая страна, а ее жители трудолюбивы и находчивы. Но при этом нигерийцы радикально, принципиально не доверяют друг другу. Оппортунизм, ставший неотъемлемой чертой типичного нигерийца, является результатом десятилетий, если не столетий, в течение которых доверие было донкихотством. При этом он никак не связан с бедностью: в Нигерии я обычно останавливаюсь в хороших отелях, где не бывает бедных постояльцев. Тем не менее в моем номере всегда висит уведомление: «Уважаемые гости! Перед вашим отъездом все содержимое вашего номера будет проверено по списку» – администрация отеля знает, что в противном случае уважаемые гости унесут из номера все, что смогут. Более серьезным аспектом оппортунизма нигерийского общества служит то, что нигерийцы не могут застраховать свою жизнь – по той причине, что вследствие оппортунизма соответствующих должностных лиц там совсем не нужно умирать для того, чтобы получить свидетельство о смерти. В течение какого-то времени эта ситуация была очень привлекательной для тех нигерийцев, в чьих глазах крупный куш более чем компенсировал угрызания совести, вызванные получением страхового полиса. Но после того как таких людей стало слишком много, хрупкое соглашение, на котором основывается страхование жизни, развалилось. Очевидно, в данном случае корень проблемы скрывался в неготовности врачей соблюдать профессиональные нормы.

Если уровень доверия заметно различается от общества к обществу, то будет различаться и тактика, используемая людьми в играх, требующих сотрудничества. Недавно этот факт подтвердился в ходе игровых экспериментов²⁷. Группа исследователей организовала в шестнадцати странах мира одну и ту же игру, проводившуюся в стандартных лабораторных условиях силами университетских студентов. По результатам этих игр выяснилось, что в некоторых странах катастрофически многочисленны сверхзлодеи. Предпринимавшиеся героями попытки наказывать «халявщиков» вызывали возмущение и наказание самих героев. Далее исследователи задались вопросом о том, существует ли систематическая связь между этими различиями в поведении и наблюдаемыми особенностями тех стран, в которых жили студенты. В непосредственном плане различия в поведении были связаны с различиями в количестве социального капитала – иными словами, с уровнем доверия. Однако тот, в свою очередь, мог быть связан с различиями в уровне правозаконности. В тех странах, в которых наблюдался дефицит правозаконности, люди вели себя оппортунистически и не доверяли друг другу, а потому в играх с использованием сотрудничества были склонны брать на себя роль сверх-злодеев. Подозреваю, что эти различия в уровне правозаконности восходят еще дальше – к разнице между моралью, основанной на верности клановой чести, и моралью, основанной на просвещенческой концепции хорошего гражданина. По меркам Просвещения сверхзлодеи должны быть людьми бессовестными, однако с точки зрения клановой верности они ведут себя вполне нравственно. Отметим, что это не оправдывает сверхзлодеев. Нравственный релятивизм разбивается о барьер абсолютной экономической истины: доверие способствует социальному сотрудничеству, являющемуся одним из оснований процветания.

²⁶ Nunn and Wantchekon (2011).

²⁷ Gaechter et al. (2010).

Культуры мигрантов

Итак, и взаимное внимание, и доверие, и нетерпимость к «халявщикам» – все это служит опорой для общества, в котором существуют равенство и сотрудничество. Какое отношение это имеет к миграции? Мигранты приносят с собой не только человеческий капитал, созданный в их родных обществах; вместе с ним они приносят нравственные нормы своих обществ. Так, нет ничего удивительного в том, что нигерийские иммигранты ведут себя недоверчиво и оппортунистически по отношению к другим обществам. В своей классической работе, посвященной культурным различиям, Рэй Фишман и Эдвард Майгел проанализировали уплату штрафов за неправильную парковку дипломатами в Нью-Йорке²⁸. В рассматриваемый период дипломаты имели юридический иммунитет от штрафов и потому склонность к отказу от их уплаты определялась исключительно личными этическими стандартами. Фишман и Майгел выяснили, что при колоссальных различиях между поведением дипломатов из разных стран оно вполне соответствовало уровню коррупции в той стране, откуда прибыл конкретный дипломат, вычисленному по стандартной методике. Дипломаты привозили с собой свою культуру. Кроме того, авторы работы задавались вопросом, вело ли пребывание в Нью-Йорке к постепенному усвоению местных стандартов поведения: предполагалось, что в данном случае частота неуплаты штрафов постепенно сократится до очень низкого уровня, изначально преобладавшего среди дипломатов из стран со слабой коррупцией. Но в реальности наблюдалось обратное: дипломаты из сильно коррумпированных стран по-прежнему не платили штрафы, в то время как дипломаты из стран, слабо подверженных коррупции, тоже приобретали склонность к неуплате штрафов. Самая разумная интерпретация этих результатов сводится к тому, что дипломаты не усваивали нормы нью-йоркцев, вместо этого начиная усваивать нормы дипломатического сообщества. Культура страны происхождения отражается не только на отношении к уплате штрафов, но и на отношении к социальному перераспределению. Герт Хофстеде попытался проводить систематические измерения всевозможных культурных различий между странами мира²⁹. Результаты его измерений коррелируют с достаточно тщательно измеренными различиями в наблюдаемом поведении – такими как уровень убийств. Таким образом, каким бы обескураживающим ни был этот вывод, существуют серьезные культурные различия, отражающиеся на важных аспектах социального поведения, а мигранты приносят с собой свою культуру.

Людям во всех обществах свойственно взаимное внимание по отношению к членам их семей, а в большинстве случаев также и по отношению к местным общинам, однако характерной чертой богатых обществ служит то, что взаимное внимание распространяется на значительно более крупную группу людей, а именно сограждан. Так, например, французы более склонны сотрудничать друг с другом и оказывать финансовую помощь согражданам, чем нигерийцы, и это служит основой для различных институтов и норм, позволивших Франции стать намного более богатой страной, чем Нигерия, и добиться по сравнению с ней большего равенства. Подобные различия в уровне взаимного внимания не являются врожденными: в далеком прошлом французы вели себя так же, как нигерийцы. Однако Франция сумела извлечь выгоду из ряда революций в мышлении, которые привели к постепенному изменению взаимоотношений между людьми.

Таким образом, влияние иммиграции отчасти зависит от ее масштабов, а отчасти – от того, насколько быстро иммигранты воспринимают нормы доверия, действующие в принимающем их обществе. Усваивают ли нигерийские врачи, работающие в Великобритании, нормы

²⁸ Fisman and Miguel (2007).

²⁹ Hofstede and Hofstede (2010).

местных врачей, оглядываются ли они только друг на друга, следуя примеру дипломатов, или, в предельном случае, достаточно большой наплыв нигерийских врачей, сохранивших нигерийские привычки, приведет к развалу таких игр, основанных на координации, как страхование жизни? Сомневаюсь, что в каком-либо из богатых обществ миграция к настоящему моменту нанесла достаточно серьезный удар по всевозможным играм на основе сотрудничества. Впрочем, я не ставлю перед собой цель оценить миграцию прошлых лет: я лишь пытаюсь на основе наблюдаемых сегодня взаимоотношений предсказать возможные последствия ее дальнейшего ускорения.

Страны различаются в том, насколько успешно они создают условия для того, чтобы иммигранты и их дети усваивали нормы своего нового общества. В этом отношении одной из наиболее успешных стран является США. Дети, выросшие в США, почти неизбежно впитывают в себя американские ценности. Едва ли то же самое можно сказать о Европе. Напротив, у нас имеется все больше и больше фактов, говорящих об обратном: дети иммигрантов проявляют меньше склонности к усвоению местной национальной культуры, чем их родители. Насколько можно судить, в некоторых группах иммигрантов дети стремятся к самоидентификации, основанной на отличии от преобладающей вокруг них национальной идентичности. Каждый человек имеет несколько идентичностей – скажем, в качестве трудящегося, члена семьи, гражданина и т. д. Иммигранты, как и все другие, тоже могут обладать несколькими идентичностями. Однако их поведение зависит от соотношения между этими идентичностями. Например, можно сослаться на чрезвычайно любопытный эксперимент, в рамках которого исследователи проверяли знания американских женщин азиатского происхождения по математике, причем сперва подчеркивалась их идентичность в качестве уроженок Азии, а затем – в качестве женщин. Выяснилось, что женщины, в первую очередь идентифицирующие себя со своим азиатским происхождением, получают существенно более высокие оценки, чем женщины, в первую очередь идентифицирующие себя со своей принадлежностью к женскому полу³⁰. В другой своей работе я уже разбирал экономическое значение идентичности на уровне фирмы³¹. Не уникальной для иммигрантов, но чрезвычайно распространенной среди них является тенденция к самосовершенствованию. Иммигранты сами отбирают себя из числа людей, питающих наибольшие чаяния в отношении самих себя и своих детей.

Именно поэтому они готовы расстаться со своим прежним окружением. Такое отношение к имеющимся возможностям, как правило, делает их особенно усердными работниками. Так, мигранты и их дети могут открыть для себя, что сохранение иной идентичности – не препятствие к личному успеху. Это подтверждает и новое исследование, посвященное турецким иммигрантам во втором поколении, живущим в Германии³². Сперва немцы относились к турецким иммигрантам как к временным работникам, а затем избрали стратегию мультикультурализма. Совсем не удивительно, что ни первое, ни второе поколение иммигрантов так и не интегрировалось в основное немецкое общество. Исходя из этого факта канцлер Меркель недавно объявила политику мультикультурализма «полным провалом». Таким образом, Германия, несомненно, занимает одно из последних мест по такому показателю, как скорость ассимиляции мигрантов. В рамках данного исследования изучалось, повлиял ли выбор между германской и турецкой идентичностью, сделанный турецкими мигрантами во втором поколении, на их успехи в образовании и на уровень их занятости. Подход заключался в том, чтобы выяснить, на каком языке воспитывали этих мигрантов: на немецком или на турецком. Этот выбор языка, сделанный родителями, оказал сильное влияние на предпочтения их детей в плане самоидентификации: те, для кого первым языком стал турецкий, значительно чаще были склонны

³⁰ Shih et al. (1999).

³¹ Akerlof and Kranton (2011).

³² Koczan (2013).

идентифицировать себя в качестве турков, и реже – в качестве немцев. Однако в той мере, в какой они впоследствии осваивали немецкий язык, это никак не сказывалось на их успехах в учебе и на занятости. Поэтому сами мигранты ничего не теряют от сохранения иной идентичности. Но в качестве членов общества иммигранты, отвергая национальную идентичность, несомненно, выбирают для себя позицию «посторонних». Это не играет роли в рамках узко определенного поведенческого пространства школы и работы, но может иметь значение в рамках такого широкого поведенческого пространства, как общество в целом с его неформальными общенациональными системами сотрудничества и политической поддержкой перераспределения, являющимися характерной чертой богатых обществ.

Процесс выбора молодыми людьми своей идентичности изучен слабо. До недавнего времени экономисты даже не считали этот вопрос вполне корректным: считалось, что предпочтения людей являются данностью, а поведение определяется стимулами, встающими перед людьми. Однако в последние годы общественные науки пришли к пониманию того важного факта, что люди копируют чужое поведение. По-видимому, причины этого обстоятельства скрываются в сфере неврологии: в середине 1990-х годов было обнаружено существование зеркальных нейронов, возбуждающихся и при совершении какого-то действия, и при виде того, как его выполняет кто-то другой³³. По сути, копирование является для нейронов стандартной реакцией; поведение, избегающее копирования какого-либо действия, требует сознательного игнорирования команд, подаваемых зеркальными нейронами. Это не делает нас рабами чужих поступков, однако экспериментальная психология говорит о том, что нам свойственна прискорбно высокая внушаемость. Свидетель грубого поведения сам ведет себя более грубо; тот, кому предлагают представить себе пожилых людей, сам теряет легкость в движениях. Поведение молодых людей определяется не только наследственностью, воспитанием и стимулами: на него серьезно влияет то, что они видят вокруг себя в качестве подходящих ролевых моделей. Но что это за модели?

Одни ролевые модели намного более доступны, чем другие. В близком родстве с ролевой моделью находится концепция стереотипа. Они различаются своими нормативными коннотациями: обычно подразумевается, что ролевая модель – это хорошо, а стереотип – это плохо. Однако их объединяет идея о том, что они представляют собой готовые идентичности. Попробуем освободить концепцию стереотипа от ее негативных коннотаций, потому что она имеет еще одно важное свойство. В качестве ролевой модели обычно выступает некий конкретный человек: так, отец может служить ролевой моделью для сына. Стереотип же – это продукт культуры: это не индивидуум, который может быть известен лишь узкому кругу своих непосредственных знакомых, а обобщенная модель, доступная каждому, кто принадлежит к данной культуре. В этом смысле образ «хорошего водопроводчика» тоже является стереотипом. Нам не нужно точно выявлять все аспекты поведения, свойственного хорошему водопроводчику; это уже сделали для нас в любом обществе, которому знакома такая концепция. Промежуточное положение между ролевыми моделями и стереотипами занимают знаменитости. Будучи отдельными людьми, они могут стать ролевыми моделями, но в то же время они являются составной частью культуры и потому находятся в распоряжении каждого, кто принадлежит к этой культуре. Как правило, знаменитость изображается в культуре не как «человек в полный рост», а как карикатура, подчеркивающая отдельные черты: по сути, знаменитость – это ролевая модель, которая может играть роль стереотипа.

Популярная культура представляет собой набор стереотипов, готовых к использованию. Некоторые молодые люди невосприимчивы к популярной культуре и вырастают эксцентричными личностями. Но большинство спокойно берет на вооружение ту или иную готовую иден-

³³ См.: Hurley and Carter (2005), особенно главу «Почему мы – социальные животные» (Ap Dijksterhuis, «Why We Are Social Animals»).

тичность и живет с ней – возможно, периодически меняя ее на новую. Если это – разумное описание процесса, в ходе которого формируется поведение, то публичная политика может влиять на поведение двумя способами. Традиционный подход, использовавшийся в прошлом веке, основывался на стимулах: например, мы облагаем налогом такое социально вредное поведение, как курение, и субсидируем такое социально полезное поведение, как воспитание детей. Однако возможности повлиять на поведение посредством стимулов зачастую оказывались весьма ограниченными: после того как кто-нибудь выберет для себя идентичность преступника, стимулы уже не смогут удержать его от социально вредного поведения. Другой способ сформировать поведение – изменить доступный ассортимент стереотипов. Разумеется, это спорная идея, но с другой стороны, можно привести многочисленные факты, говорящие о том, что непрерывная демонстрация насилия в СМИ повышает склонность к насилию.

Какое отношение все это имеет к миграции? У нас есть три на первый взгляд не связанных друг с другом набора предположений. Первый из них касается взаимного внимания, играющего важную роль в насаждении доверия, на котором держится сотрудничество, и сочувствия, на котором держится перераспределение доходов. Привычка к доверию и сочувствию в очень больших группах людей не является врожденной: она приобретается в рамках процесса по достижению процветания, и иммигранты из бедных стран по прибытии в новое общество, скорее всего, будут менее склонны доверять и сочувствовать другим людям. Второй набор связан с идентичностью: от идентичности, выбираемой людьми, зависит их поведение; для многих людей частью их идентичности становятся стереотипы поведения, заимствованные из их культуры. Третий набор относится к идентичности, выбираемой иммигрантами. В важной новой работе группа исследователей изучала готовность приехавших в США испаноязычных иммигрантов к сотрудничеству в сфере предоставления общественных благ. Предполагалось, что уровень этой готовности отражает различия в восприятии иммигрантами как своей идентичности, так и степени своей исключенности из окружающего общества. Новшеством в этой работе служило то, что в дополнение к традиционным лабораторным играм, предназначенным для выявления чужих склонностей, в ней была задействована реальная система местных общественных благ – местные учреждения здравоохранения, образования и пр. Результаты исследования убедительно доказывают, что готовность иммигрантов сотрудничать в сфере общественных благ в существенной степени определяется их представлениями о самих себе. Мигранты, в большей степени отождествлявшие себя не с североамериканцами, а с латиноамериканцами, проявляли меньше склонности к сотрудничеству. Один из практических выводов, сделанных авторами работы, сводится к той роли, которую играет уровень владения английским: чем шире этот язык использовался дома, тем сильнее было чувство американской идентичности³⁴

³⁴ Candelo-Londoño et al. (2011).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.